63.3(5А804)572
Л19
А91

С. З. ЛАКОБА

БОЕВИКИ АБХАЗИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

А 91

Абхазский институт языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР

С. З. ЛАКОБА

БОЕВИКИ АБХАЗИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

40403
8654

Ответственный редактор
доктор исторических наук Б. Е. САГАРИЯ

Издательство «Алашара»
Сухуми — 1984

66.61 (2Т-6Аб)
Л 19

Рецензент
доктор исторических наук,
профессор **А. Э. Куправа**

ЛАКОБА С. З. Боевики Абхазии в революции 1905 — 1907 годов. — Сухуми, Алашара, 1984 — 85 с.

В работе предпринимается первая попытка рассмотреть боевые операции большевиков в Абхазии в период революции 1905—1907 гг., освещается деятельность видных боевиков партии П. Эмухвари, Л. Готошия и других. Автор рассказывает и об экспроприации, проведенной большевиками на пароходе «Цесаревич Георгий» осенью 1906 года.

В исследовании использован богатый архивный материал, публицистика 1905—1907 гг., специальная историческая литература, воспоминания активных участников революции. Работа рассчитана на широкий круг читателей.

Л $\frac{1602030450}{М623(06)-84}$ 100-84.

© Издательство «Алашара». 1984

ВВЕДЕНИЕ

Военно-боевая работа большевистской партии в 1905 — 1907 гг. прежде всего была направлена на создание революционной армии, ибо успех восстания во многом зависел от ее организации и действенности. В. И. Ленин предупреждал, что строительство революционной армии — «трудный, сложный и долгий процесс», но «без такой армии действительная победа революции **невозможна...»**[1]

В идейно-теоретическом наследии классиков марксизма-ленинизма вопросы военно-боевой подготовки пролетариата занимают важное место[2]. Обширная литература, в которой значительное внимание уделено военно-боевой работе партии, ярко представлена в советской историографии[3].

Военная тактика В. И. Ленина в период 1905 — 1907 гг. основывалась и продолжала лучшие традиции, заложенные основоположниками марксизма-ленинизма, которые, как известно, предпочитали, в зависимости от степени сопротивления господствующего класса, добиваться захвата власти мирным путем. «Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, — отмечал К. Маркс, — направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым»[4].

В условиях царской России В. И. Ленин предвидел, что самодержавие «не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием»[5].

Силе необходимо было противопоставить военную силу революционного народа. Ленин подчеркивал, что она складывается из трех основных потоков: 1) из вооруженного пролетариата и крестьянства; 2) из передовых отрядов представителей этих классов; 3) из готовых перейти на сторону народа отдельных частей армии и флота[6].

В боевых дружинах большевики видели зачаток вооруженных сил пролетариата, авангард революционной армии, который своим примером вовлек бы широкие массы народа в вооруженную борьбу против царизма. Еще на III съезде РСДРП в 1905 г. В. И. Ленин отмечал: «По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп»[7]. Он разъяснял также, что «это должны быть особые «аппараты», непохожие на парламентские»[8].

Первая боевая организация была создана при Петербургском комитете РСДРП в январе-феврале 1905 г. А сразу после III съезда партии большевики развернули значительную организационно-техническую работу, приступили к созданию при партийных комитетах специальных боевых групп, разработке планов восстания на местах.

В деятельности боевых организаций большевиков выделяют два периода: 1) с января по декабрь 1905 г. и 2) 1906 — 1907 гг. В первый период

происходило становление боевых организаций. После подавления Декабрьского восстания они смелее и решительнее стали бороться с самодержавием, осваивали различные формы партизанской войны, в том числе и экспроприации. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Вооруженная борьба преследует две различные цели, которые необходимо строго отличать одну от другой; — именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу»[10].

Только после 3 июня 1907 г. большевики распустили на время дружины и приняли меры для сохранения своих боевых рядов[11].

В годы первой российской революции боевая работа на Кавказе получила наибольший размах в деятельности Бакинского, Батумского и Тифлисского комитетов РСДРП. Революционные боевые отряды существовали в Кутаисе, Телави, Чиатуре, Сухуме, Поти[12]. Здесь политика национального угнетения обостряла и без того невыносимое социальное положение трудящихся, толкала их на путь открытой революционной борьбы. Поэтому не случайно в резолюции III съезда РСДРП подчеркивалось, что «особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии»[13]. Однако следует отметить, что до

недавнего времени проблемы боевой работы партии специально не изучались, не показывалась должным образом и роль боевых дружин в вооруженных восстаниях. До сих пор не написана полная обобщающая история боевых организаций РСДРП[14]. Исключением является лишь первая такая попытка, предпринятая в небольшой, но ценной книге Л. Т. Сенчаковой[15]. Некоторые интересные сведения по руководству партии боевыми дружинами в 1905 — 1907 гг. приведены и в исследовании Е. П. Мухина[16].

Необходимо заметить, что вопрос о боевой работе большевистской партии в Закавказье, в Грузии изучен слабо и составляет значительный пробел; несмотря на ту видную роль в истории боевых организаций РСДРП, которую кавказские боевики играли в революции 1905 — 1907 гг. В то же время отдельные ученые в той или иной степени касались интересующего нас вопроса, некоторых его сторон, применительно к революционным событиям в Грузии и Абхазии[17].

Боевые отряды имели свои специфические особенности в Абхазии. Л. Т. Сенчакова в географическом указателе распространения боевых рабоче-крестьянских дружин партии в 1906 — 1907 гг. отмечает наличие таковых в Гагре, Гудауте, Сухуме и Самурзаканском (Гальском) участке[18]. Этот факт, вопреки утверждению некоторых западных историков[19], убедительно свидетельствует об огромном влиянии большевиков на трудящиеся массы в национальных районах России, так как обилие значительных боевых дружин на Кавказе и в других окраинах говорит

о преобладающем воздействии и популярности большевистских установок.

События первой народной революции эпохи империализма показали тесную связь выступлений рабочих и крестьян Центральной России с борьбой народов национальных окраин империи. В. И. Ленин особо подчеркивал: «Пятый год объединил рабочих всех наций России»[20].

Боевые организации в Абхазии возглавляли видные революционеры-большевики Платон Эмухвари (1870 — 1922) и Леван Готошия (1883 — 1906). О таких людях В. И. Ленин в 1907 г. писал, что они способны «штурмовать небо»[21]. В связи с этим уместно будет привести справедливое мнение историка Ю. И. Кораблева о том, что до сих пор «очень мало специальных работ биографического жанра о героической деятельности боевиков партии»[22].

Завершает книгу рассказ об уникальной в своем роде экспроприации, проведенной особой боевой группой большевиков в сентябре 1906 г. в Абхазии на пароходе «Цесаревич Георгий», которая была осуществлена накануне Первой (Таммерфорсской) конференции военных и боевых организаций РСДРП.

Таким образом, в исследовании делается первая попытка рассмотреть на примере Абхазии операции местных боевиков в упомянутые два периода деятельности боевых организаций РСДРП в 1905 — 1907 гг. Некоторые из этих вопросов ранее освещались автором на страницах партийной печати и в специальных научных изданиях[23].

Как известно, разработка отдельных проблем первой российской революции — важнейшая исто-

рико-партийная задача. Об этом значительном времени, о генеральной репетиции Великого Октября В. И. Ленин писал: «Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...»[24].

I. Л. И. ГОТОШИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОСОБЫХ БОЕВЫХ ГРУПП В АБХАЗИИ В 1905 ГОДУ

НАЧАЛО. В России наступила революционная весна 1905 г. Абхазия встречала ее не только цветами, но и митингами, демонстрациями, забастовками. Газета «Кавказ» сообщала, что «в ночь на 7-е марта за гор. Сухумом была обнаружена *сходка рабочих,* которые имели намерение проникнуть в город и, соединившись с городскими рабочими, произвести беспорядки. Принятыми мерами двое агитаторов задержаны вместе с прокламациями, оружием и красным флагом с преступной надписью на нем. Рабочие возвращены и беспорядки удалось предотвратить. Обнаружено волнение среди абхазцев, которые под влиянием преступного подстрекательства злонамеренных лиц, совершают массовые самоуправства...»[1]

В тот же день, 7-го марта, против агитаторов — 22-летнего мещанина города Батума Левана Ивановича Готошия и 20-летнего жителя города Сухума Севериана Илларионовича Кухалейшвили, было возбуждено дело. Помощник начальника Кутаисского губернского жандармского управления в Сухумском округе подполковник Зубов представил в де-

партамент полиции подробную опись вещей и бумаг, отобранных при обыске у задержанных. Среди прочего оказались: печатная прокламация ЦК РСДРП «Правда о войне», гектографированное письмо Гапона от 9 февраля 1905 г., прокламация Имеретино-Мингрельского комитета с требованиями учащихся, подписный лист в пользу Красного Креста с печатной надписью: «Назначение которого помощь пострадавшим в революционной борьбе», программа РСДРП, а также флаг из красной материи с надписью «Долой самодержавие!..»[2]

Полицейским дознанием было установлено, что Леван Готошия скрывался в Абхазии под чужими фамилиями — Еремия Шавишвили и Николая Габранидзе. Это обстоятельство очень заинтересовало сухумские власти, и они обратились к военному губернатору Батумской области. Последнему было хорошо известно, что «Готошия по агентурным сведениям состоял членом Батумского революционного комитета и считался ярым пропагандистом преступных идей среди рабочих».[3]

Левана Готошия, или, как его еще называли, Чичико, хорошо знали трудящиеся Аджарии. Имя революционера было не менее известно и представителям царской администрации на Кавказе. В секретном сообщении от 22 марта 1904 г. помощнику начальника Кутаисского ГЖУ подполковнику Шабельскому военный губернатор Батумской области сообщал, что 19 марта *«в квартире замеченного в политической неблагонадежности рабо-*

чего Чичико Готошия, назначена была... сходка, на которую *явилось 16-ть человек рабочих завода Манташева».* На ней обсуждался вопрос о том, *«как устроить противоправительственную демонстрацию 18-го апреля сего года, т. е. 1-го мая по новому стилю».* Рабочие готовились выйти на демонстрацию «с оружием в руках для сопротивления как полиции, так и войскам». Причем «во все время беседы у дверей квартиры Готошия стоял с револьвером в руках некто Александр Чхенкели, с приказанием стрелять в чина полиции, могущего явиться на эту сходку, где обсуждался также вопрос и о приобретении разрывных бомб на суммы удерживаемые с рабочих из получаемой ими заработной платы». Спустя два дня, вечером 21 марта, состоялась вторая сходка, на которой говорилось, что рабочие должны основательно подготовиться к устройству «в Батуме демонстрации и употребить все усилия к тому, чтобы получить свободу, как получили ее рабочие за границей 18 апреля». В сходке приняли участие семнадцать рабочих. «Из коих между прочим, — доносил батумский полицмейстер, — играли главную роль к возбуждению беспорядков: Чхенкели, Готошия, Джибладзе и Филия»[4].

В этих двух собраниях принял участие и актив Батумской организации РСДРП. Известно, что в марте — апреле 1905 г. Батумский комитет состоял из 7 человек: трех интеллигентов (два меньшевика и один большевик) и четырех рабочих (три большевика

и один меньшевик). Иными словами, большинство в комитете составляли ленинцы, среди которых был и рабочий большевик Леван Готошия[5].

На сходках 19 и 21 марта 1904 г. было решено издать в подпольной типографии прокламацию с разъяснением значения 1 Мая для трудящихся. Прокламация вышла в канун праздника и заканчивалась лозунгами: «Да здравствует 1 Мая!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой капитализм!».

Батумскому полицмейстеру капитану Чиковани во всех подробностях были известны постановления двух мартовских сходок. Рапорты охранки для пущей убедительности заканчивались обычно так: «Все изложенное полицмейстером гор. Батума добыто через своего агента, находящегося на той же сходке...». В специальном постановлении от 19 апреля полицмейстер отмечал, что тифлисский мещанин Георгий Филия и батумский житель Леван Готошия «устраивают сходки между рабочими по ночам, с целью пропагандировать между ними противоправительственные идеи». Уже на следующий день Чиковани сообщал военному губернатору, что на две недели в Батумскую тюрьму заключены рабочие завода № 2 Манташева: Леван Готошия, Георгий Филия, Алистро Бердзенишвили, Александр Чхенкели и Кобидзе.

Ровно через две недели Л. Готошия и его товарищи были освобождены из-под стражи. Однако бывший тогда губернатором области

генерал-майор Дрягин возбудил 3 мая 1904 г., т. е. в день освобождения революционеров, ходатайство о воспрещении Л. Готошия проживать в пределах Кавказа. В ответ на ходатайство 31 мая главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Голицын предложил воспретить Л. Готошия и еще девяти рабочим, «как лицам вредным для общественного порядка и безопасности, жительство в пределах Кавказского края» и, вместе с тем, просил «министра внутренних дел о подчинении названных лиц в избранных ими местах жительства гласному надзору полиции»[6].

В начале июня Готошия выехал на пароходе «в избранный им для жительства город Одессу». А через некоторое время, ознакомившись в особом совещании с обстоятельствами этого дела, министр внутренних дел «постановил водворить названного Готошия в Калужскую губернию под гласный надзор полиции сроком на два года»[7]. Но революционер выпал из поля зрения полицейских ищеек. Он не прибыл ни в Одессу, ни в Калужскую губернию. Батумский комитет направил его в Абхазию (сюда он приезжал и в 1903 г.) для руководства Сухумской группой Батумского комитета РСДРП[8], где Л. Готошия находился вплоть до ареста весной 1905 г. Об этом свидетельствует и донесение военного губернатора Батумской области[9].

НА КОДОРСКОМ ЛЕСОЗАВОДЕ. За время с июня 1904 года по 7 марта 1905 г. Л. Готошия многого достиг в деле пропаганды революционных идей среди трудящихся Абхазии.

Особое внимание опытный большевик уделял рабочим Кодорского лесозавода наследников Максимова, где социал-демократическая организация действовала с 1902 г.[10]

О бурной деятельности Л. Готошия подробно рассказали в своих воспоминаниях Лаврентий и Иона Телия, прибывшие сюда, как и большинство других рабочих, из районов Западной Грузии. В 1904 г. на заводе появился приехавший из Батума Датико Лордкипанидзе, который приступил к организационной работе под руководством Левана Готошия. Три раза в неделю стали устраиваться собрания, охраняемые четырьмя вооруженными рабочими. «Работа закипела, — писал Л. Телия, — как между заводскими рабочими, так и в селах, между крестьянами... 7 марта 1905 г. мы устроили на заводе собрание. Выработали требования 8-час. рабочего дня, увеличения зарплаты и страхования рабочих. Собранием руководил Л. Готошия. В ту же ночь он поехал в Сухум, но у дачи Смецкого был задержан... 8-го мы получили извещение об его аресте. После этого состоялось общее собрание заводских рабочих вместе с 400 человек жителей близлежащих сел Варча, Дранда, Бабушера. Скоро к заводу подошли абхазцы. Работы были приостановлены. Открыли собрание. Председателем был Лордкипанидзе. Абхазцы предложили отправиться всем в Сухум для освобождения Готошия. К нам должны были присоединиться все жители, населяющие местность от Кодора до Сухума. Мы подняли

красные знамена и подошли к Кодорскому мосту».

Участники шествия разоружили Кодорский и Драндский стражнические посты, вывели около 300 монахов из Драндского монастыря и поставили их впереди колонны вместе с плененными стражниками. Десятитысячная масса рабочих и крестьян была встречена у Келасурского моста представителями администрации во главе с начальником Сухумского округа В. К. Прогульбицким, который пообещал освободить Л. Готошия[11].

С народом, вспоминает И. Телия, на абхазском и грузинском языках говорили полковник К. Шервашидзе и капитан Микеладзе, требуя разойтись, иначе солдаты откроют по собравшимся огонь. Предупреждения не были приняты, но «приехавший из Сухумской организации товарищ предложил... вернуться обратно», чтобы предотвратить кровопролитие.

Выплатив рабочим зарплату за 15 дней вперед, завод на время закрылся. Администрация округа и дирекция предприятия прибегли к известному в таких случаях методу — объявили локаут[12]. А 10 сентября 1905 г. капитан Зенченко доносил заведующему полицией на Кавказе: «В настоящее время, благодаря сокращению работ на заводе, значительное количество пришлого рабочего люда оставило службу и в последнее время не наблюдалось волнений, как равно не было и забастовок, бывших неоднократно весной текущего года, причем при расследовании причин всегда

оказывалось, что забастовка начиналась по распоряжениям, исходящим из Сухума»[13].

Вспоминал о революционных событиях марта 1905 г. и мерхеульский помещик В. П. Эмухвари. «В это время поднимает голову, — писал он в 1909 г., — вызванное пропагандой революционное движение... Местная администрация арестовала двух пропагандистов *Готошия* и *Кухалейшвили,* следствием чего была грандиозная... демонстрация.., имевшая целью отбить у правительства названных пропагандистов. Принимавшее участие в этой демонстрации мерхеульское общество устроило и против меня демонстрацию»[14].

Л. Готошия вел большую работу и среди крестьян селений, прилегающих к Сухуму[15]. Он пытался объединить рабочее движение с крестьянским, создать сплоченный интернациональный союз трудящихся Абхазии.

В ТЮРЕМНЫХ ЗАСТЕНКАХ. Полковник Прогульбицкий, как и следовало ожидать, не сдержал своего обещания. Задержанные 7 марта Л. Готошия и С. Кухалейшвили продолжали томиться в Сухумской тюрьме. Под грифом «секретно» вице-директор канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе сообщал 19 марта 1905 г. военному губернатору Батумской области следующее: «Ввиду сделанных в гор. Сухуме толпою попыток освободить арестованных двух агитаторов... предложено начальнику Сухумского округа, после укрепления гарнизона гор. Сухума поступлением в войска молодых солдат и с приходом казачьих частей с Северного

Кавказа, отправить означенных арестантов под усиленным конвоем в гор. Батум, где также содержать их под усиленной охраной...».

В понедельник, 4 апреля, при личном участии начальника Сухумского округа «политических арестантов-агитаторов Готошия и Кухалейшвили» отправили пароходом в Батум и заключили «для безопасности» в казематы форта «Бурун-Табие»[16]. В первую же неделю заключения, 10 апреля, Леван Готошия с арестованными — Нестором Дзидзигури и Исидором Чхартишвили, оказал сопротивление караульному начальнику и только «когда был вызван караул с ружьями, он вошел в камеру»[17]. Заведующему полицией сообщалось также, что с переводом Л. Готошия из «Бурун-Табие» в Батумскую тюрьму, «там среди арестантов начались всевозможные безобразия, нарушение порядка и даже открытые бунты арестантов». В экстренном донесении военного губернатора Батумской области от 11 июля 1905 г. в канцелярию наместника на Кавказе сообщалось: «Руководителем этих бунтов всегда был арестант Готошия. Личными примерами, постоянными ослушаниями, буйством и безграничной дерзостью в отношении к тюремной страже, он сумел снискать в среде арестантов большое внимание, которым главным образом он пользуется для противодействия тюремной администрации и нарушения должного порядка в тюрьме. Обуздать его или изолировать от остальных арестантов не представляется возможным... Имея в виду в ближайшем будущем представить на усмотрение

наместника на Кавказе более обстоятельный материал о состоянии Батумской тюрьмы, пока в целях водворения хотя бы некоторого спокойствия в ней прошу ходатайства о переводе арестанта Левана Готошия из Батумской тюрьмы в Кутаисскую».

Через неделю после этого донесения, 18 июля, Готошия подал прошение: «Вследствие расстроенного здоровья предварительное тюремное заключение, принятое против меня судебными властями, является для меня очень тяжким и непосильным. Поэтому покорнейше прошу распоряжения... о назначении комиссии из врачей для освидетельствования моего здоровья...» Резолюция губернатора была деловой и жесткой: «По распоряжению г. зав. полицией на Кавказе ген.-майора Ширинкина, арестант Готошия должен быть передан в Кутаисскую тюрьму. А посему просьба его не может быть исполнена»[18].

Через некоторое время, 30 июля, Л. Готошия по этапу был отправлен в Кутаис, а 17 августа 1905 г. освобожден из тюрьмы и «отдан на поруки с денежной ответственностью в сумме 500 р. жителю гор. Сухума Теймуразу Ратиани»[19]. Тогда же он вновь прибыл в Батум, где 29 августа «опять проявил свою преступную деятельность ораторством на сходке в заседании Батумской городской управы». На требование полицмейстера разойтись, собравшиеся рабочие, около тысячи человек, ответили криком: «Долой полицию!» Как выяснилось, они под руководством Л. Готошия устроили «выборы депутатов от рабочей среды

на предстоящее заседание по организации земства на Кавказе»[20].

После проведения сходки были приняты меры к аресту Л. Готошия и высылке его в Калужскую губернию, но он скрылся из Батума. Путь большевика пролег вновь в Абхазию, к товарищам по борьбе.

В самых последних числах августа Готошия прибыл в Сухум с заданием: организовать в крае боевые дружины. Приезду не смогла помешать даже директива особого отдела департамента полиции от 24 августа 1905 г. на имя Кутаисского губернатора: «Из имеющихся в Департаменте полиции сведений усматривается, что усилению революционной пропаганды в *г. Сухум-Кале* в числе других причин — способствует также беспрепятственный приезд на пароходах из Батума неизвестных лиц, останавливающихся у жителей без всякой прописки, благодаря чему какой-либо надзор за ними представляется весьма затруднительным»[21].

ВМЕСТЕ С СЕРГО. В сентябре 1905 г. в Абхазии неожиданно главные административные должности заняли представители партии социалистов-федералистов: 12-го сентября городским головой Сухума был «избран» житель Кутаиса князь Н. К. Тавдгиридзе, а 25-го командовать Сухумским округом начал князь Л. Г. Джандиери. В разгар революционных битв это была временная уступка правительства.

За дипломатическими маневрами царизма зорко следили большевики. Через день после

назначения в Абхазию Л. Джандиери 26 сентября в Гудауту прибыл Серго Орджоникидзе. Батумский комитет РСДРП направил его сюда, чтобы изолировать абхазское население от политического влияния социалистов-федералистов и нацелить крестьян на восстание. Для координации совместных действий С. Орджоникидзе установил тесную связь со своим старшим товарищем по борьбе Л. Готошия[22].

Один из активных участников революционного движения в Абхазии В. А. Горгошидзе вспоминал об этом периоде: «Тогда еще мы, благодаря Серго, установили связь с Сухумом, с тов. Готошия, Лавросием Кигурадзе и др. Они приезжали к нам, привозили прокламации. Иногда в Сухум уезжал сам Серго».

Осенью 1905 г. большевики развернули интенсивную работу. Партийная литература направлялась из Батума в Сухум, а оттуда распространялась по всей Абхазии. Об этом свидетельствует и Б. Л. Дарчия — соратник С. Орджоникидзе. «Батумская социал-демократическая организация, — пишет он, — вела большую пропагандистскую работу... Однажды послали меня с прокламациями в Сухум. Поехал я пароходом, повез прокламации в продуктовой сумке. Имел я направление к Левану Готошия, которого я знал еще до этого... Я сообщил ему, что приехал из Батума. Готошия немедленно позвал меня, как оказалось, в дом Карцивадзе. Там передал я прокламации и договорился о том, как проехать мне в Очамчиры, куда у меня также было поручение. Готошия познакомил меня с одним чело-

веком, с которым я и выехал на другой день в Очамчиры. В Очамчира я пробыл тогда недолго и успел даже сесть на тот пароход, на котором я приехал из Сухума и благополучно вернулся в Батум, передав по назначению записку, данную мне Готошия»[23].

Так осуществлялись контакты с батумским центром, контакты между С. Орджоникидзе и Л. Готошия. В одну из встреч в Сухуме осенью 1905 г. друзья сфотографировались на память.

ПО ЛЕНИНСКОМУ СЦЕНАРИЮ. Летом 1905 г. особенно остро встал вопрос о боевой работе. В июне—июле, сразу после III съезда РСДРП, В. И. Ленин написал работу «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Был взят курс на подготовку вооруженного восстания, повсеместно формировались боевые дружины. Под руководством С. Орджоникидзе, Л. Готошия, Б. Захарова, П. Эмухвари боевые рабоче-крестьянские дружины в сентябре — октябре 1905 г. создаются и в Абхазии.

В вопросы военно-боевой работы В. И. Ленин внес неоценимый вклад, еще дальше развил теорию марксизма применительно к новым историческим условиям, показал и практическое знание боевой работы, давая рекомендации как общего, так и частного характера. Как руководство к действию была воспринята статья В. И. Ленина «От обороны к нападению», написанная 13 сентября 1905 г. В ней, в частности, говорилось: «Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Она ста-

Л. Готошия (сидит) и Г. Орджоникидзе. Сухум, 1905 г.

новится *необходимой принадлежностью народного вооружения...»*[24].

С помощью Ленина один из членов боевой технической группы Скосаревский познакомился в Женеве с болгарским инженером Тюфекчиевым, который передал большевикам образцы и чертежи ручной бомбы македонских партизан. Затем в Петербурге бомба, которую прозвали «македонкой», была модернизирована революционерами, а экспертиза главного артиллерийского управления Российской империи признала ее мировым техническим достижением в области вооружения[25].

Большое распространение бомбы-«македонки» получили в Закавказье. Их изготовляли в подпольных мастерских Баку, Тифлиса, Батума, они гремели в Сухуме и Гудауте, став неотъемлемой частью вооружения абхазских боевиков.

«Изготовление бомб возможно везде и повсюду, — писал В. И. Ленин. — Оно производится теперь в России в гораздо более широких размерах, чем знает каждый из нас... Оно производится в несравненно более широких размерах, чем знает полиция (а она знает, наверное, больше, чем революционеры в отдельных организациях)»[26].

Изготовление таких бомб пытались наладить в октябре—декабре 1905 г. в Гудауте[27].

Владимир Ильич отмечал, что «отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки бар-

рикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди против кавалерии)...». Ленин разрабатывал подробные сценарии в помощь особым боевым группам, в задачу которых входила и добыча «средств на восстание», для чего необходимо было «узнавать распределение работы в казенных учреждениях, в банках и т. д., условия охраны их, стараться заводить такие связи, которые могли бы принести пользу (служащий в полиции, в банке, в суде, в тюрьме, на почте, телеграфе и т. д.)»[28].

Одним из проводников ленинских установок в Абхазии был Л. Готошия. Родился он в 1883 году в Самтредиа в семье крестьянина, откуда переехал в Батум. Здесь он начал свою нелегкую трудовую жизнь, вступил в ряды ленинской партии. Леван Готошия первым в Абхазии сформировал боевую дружину и произвел крупные экспроприации, шедшие на нужды революционной борьбы.

Так, скрываясь от полиции, Л. Готошия вместе со своей группой встретил в 10 часов вечера 25 сентября недалеко от Сухума нескольких казаков и открыл по ним револьверный огонь. В результате один из них был убит, а двое ранено. В ту же ночь боевики экспроприировали в с. Цебельда близ Сухума 1 100 рублей у управляющего имением графа Бобринского, а также оружие и много ценных вещей[29].

В свое время большевики обратили внимание на особые условия социально-политической жизни Кавказа, которые позволили создать там наиболее боевые организации пар-

тии. Здесь, на окраине империи, помимо социального, выпукло проявлялась и политика национального угнетения, что неизбежно вело к национально-освободительному движению — мощному потоку первой русской революции.

Интересно отметить, что порой в боевые дружины на Кавказе вливались и наиболее яркие представители абречества, не мирившиеся с царскими порядками. Некоторые из них выросли до революционного сознания. Ряд советских историков[30], основываясь на высказывании Ф. Энгельса относительно партизанско-абреческого движения на Кавказе[31], расценивают его как одну из форм антиколониальной и классовой борьбы народных масс против произвола самодержавия. Особенно активизировалось абреческое движение на Кавказе и, в частности, в Абхазии в период революции 1905—1907 гг.

В связи с этим уместно будет напомнить об одном принципиально важном положении В. И. Ленина, который предупреждал руководителей боевых комитетов не замыкаться, не ограничивать свою деятельность представительством от партии, что повело бы к «сектантству». «Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП, — обращался к ним Владимир Ильич, — это было бы абсурдным требованием для вооруженного восстания. Не отказывайтесь связываться с каждым кружком, хотя бы в три человека, при единственном условии, чтобы он был полицейски надежен и готов был драться с царским войском. Пусть желающие

кружки входят в РСДРП или *примыкают* к РСДРП, это превосходно...»[32].

Можно с уверенностью сказать, что в боевой организации Сухумской группы Батумского комитета РСДРП, если не состояли, то, по крайней мере, *примыкали* к ней, наиболее передовые представители абречества и даже отдельные абреческие группы. В соответствии с велением времени такую гибкую ленинскую тактику, применительно к местным условиям, претворял в жизнь Л. Готошия.

В известном своем письме в октябре 1905 г. «В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» Ленин призывал «проповедников»-боевиков: «Идите к молодежи, господа! Вот одно единственное всеспасающее средство... Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у *рабочих особенно,* и т. д. и т. д. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд учится хотя бы на избиении городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»[33].

Большевики Абхазии с самого начала сделали ставку на молодежь. Сухумские власти действия боевых дружин умышленно преподносили как разбойнические. Но порой даже в официальных документах они вынуждены были признавать необычный характер подобных операций. Так, начальник Сухумского округа отмечал, что «Готошия... организовал в

окрестностях Сухума шайку.., которую вооружил и действиями которой лично руководил». Ими совершались налеты на стражнические посты, избивались городовые, разоружались казаки, экспроприировались значительные суммы у помещиков, монастырей и буржуазии. «Все эти действия.., — признавался далее Л. Джандиери, — имели политическую окраску, так как являлись реальным выражением борьбы со властью и доставляли средства для продолжения этой борьбы»[34].

Приведенные факты подтверждают мысль о том, что большевистские боевые организации отличались многообразием форм. Они во многом зависели от местных условий и дали богатейший материал партии для теоретических обобщений и практических выводов[35].

В ДНИ ЦАРСКОЙ «СВОБОДЫ». Манифест 17 октября 1905 г. расколол единый демократический фронт. Большевистская партия предупреждала, что дарованные свободы — это фикция, временная уступка царизма. Она выступала за дальнейшее развитие революции.

Сразу после окончания всеобщей забастовки (продолжалась с 18 по 22 октября) в Сухуме Леван Готошия со своей боевой группой напал на Драндский монастырь. Вот как описал эту экспроприацию в экстренном сообщении в Сухумскую епархиальную канцелярию ее очевидец, монастырский казначей иеромонах Алипий: «В 7 часов 20 минут вечера 26 сего октября несколько человек... вооруженных окружили нашу обитель со всех сто-

рон, двое остались в коридоре, а пятеро ворвались в помещение о. наместника, последний в это время разбирал в приемном зале только что привезенную корреспонденцию, и прямо к нему, обнажив кинжалы; потом повели его в спальню, где тоже потребовали от него деньги, а в это время отправлялось в соборе повечерие, и некоторые из братии, услышав шум и выстрелы из револьверов, начали звонить в колокола», нападавшие же, «услышав звон, дали несколько выстрелов в о. наместника игумена Евфимия и сами немедленно выбежали из корпуса и во все стороны стреляли из револьверов и ружей...». Взяты были 434 рубля, золотые часы настоятеля, а из сундука, как говорится в документе, «унесено все, что там было, а что там было никому неизвестно». Выяснилось также, что у покойного Евфимия в Бакинском, Тифлисском, Кутаисском, Новороссийском и Одесском банках хранились деньги, а между тем монастырь задолжал 11 832 рубля и 1 копейку. Сухумским епархиальным начальством предполагалось, что похищенная сумма «была довольно немалая», иначе, говорилось в их заключении, чем можно «объяснить упорство с каким о. игумен не хотел давать ключей от сундука, где хранилась его шкатулка»[36].

Позднее помощник начальника Сухумского округа П. Н. Зенченко показывал: «Особенно вредной деятельностью отличался Л. И. Готошия, на которого, как надо полагать, было возложено добывание средств. Как ныне устанавливается путем полицейских доз-

наний, обнаружено, что Леван Готошия организовал... нападение на Драндский монастырь во время которого был убит настоятель монастыря Евфимий» и взяты «все средства монастырской казны»[37].

О положении в Сухуме в октябре—декабре 1905 г. полицмейстер Заурбек Касымбекович Набибеков сообщал: «Партия социал-демократов была наиболее активна, с которой приходилось считаться местным властям и вместе с тем наиболее многочисленная и популярная...» Лидером этой партии был Л. Готошия, который оканчивал свои речи восклицанием: «Да здравствует вооруженное восстание!»[38].

СТРОИТЕЛЬСТВО РЕВОЛЮЦИОННОЙ МИЛИЦИИ. Почти во всех серьезных документах тех лет о революционной волне 1905 г. в Абхазии говорится о ближайшем товарище Л. Готошия — помощнике присяжного поверенного Борисе Николаевиче Захарове. Он был племянником Германа Лопатина — друга К. Маркса и первого переводчика «Капитала» на русский язык[39]. Б. Н. Захаров с честью продолжал революционную традицию семьи, являясь душой всех демонстраций и митингов в столице округа. Так, на митинге в Сухуме 16 ноября 1905 г. он избирается председателем Комиссии народного суда[40].

«Я более склонен полагать, — писал подполковник Зенченко, — что сформирование народного суда надо рассматривать исключительно как средство воочию показать народу,

что правительственная власть не существует...»[41].

Комиссия народного суда, состоявшая из председателя и 15 судей, на следующий день после ее создания сформировала в Сухуме народно-революционную милицию во главе с Л. Готошия. В одном из своих рапортов Джандиери доносил в Тифлис, что «Леван Готошия являлся вооруженным телохранителем Захарова» и, как «сильный агитатор, взывающий на мятеж и вооруженную революцию», представлял большую опасность для властей. Впоследствии он обвинялся в создании ударной боевой группы, произведшей крупные экспроприации в Драндском монастыре и санатории Н. Н. Смецкого, в нападении «на Драндский и Кодорский посты полицейской стражи, в снабжении крестьянского населения оружием для борьбы с собственниками земли и принятии участия в вооруженной революции...»[42].

Интересен и следующий факт. В июне 1906 г. директор департамента полиции сообщал заведующему полицией на Кавказе, что член РСДРП Макс Валлах (настоящие имя и фамилия будущего наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова) по кличке «Феликс» ездил «недавно в Марсель для отправки морским путем на Кавказ значительного транспорта оружия, закупленного на сумму 196 тысяч рублей, которые были украдены социал-демократами на Кавказе, причем имеются указания, что местные крестьяне, будучи обложены соответствующим налогом, потребовали от социал-демократического комитета на

такую же сумму оружия, закупка коего и поручена в Марселе Валлаху»[43].

Сборы на эти цели производились и в Абхазии. В ответном донесении жандармского ротмистра Ушинского из Сухума на имя заведующего полицией на Кавказе от 8 июля 1906 г. говорилось, что в октябре и ноябре 1905 г. «во время наибольшего развития беспорядков и брожения в округе, некоторыми лицами действительно производились поборы с крестьян Гумистинского и Кодорского участков..., назначение которых сообщниками определялось общим выражением: «на освободительное движение», с пояснением иногда, что деньги эти поступят в кассу на содержание и вооружение народной милиции, на приобретение для крестьян земли и проч... Готошия уполномоченный названной организации (Сухумской группы Батумского комитета РСДРП — С. Л.), производил сборы на революционные цели как в г. Сухуме среди купцов, так и среди сельского населения, но главным образом добывал средства через руководимую им» боевую группу[44].

Добытые у эксплуататоров денежные средства и драгоценности шли на нужды революционной борьбы: покупку оружия, издание газет и листовок, содержание лидеров партии. Черносотенцы, официальная пресса лживо именовали боевиков разбойниками, грабителями. Так, помещик В. П. Эмухвари, называя разбойниками революционеров, заявил, что многие из них бежали из Сухумской тюрьмы и вступили в «боевую организацию, руково-

димую одним из сухумских пропагандистов *Леваном Готошия,* этим злым гением освободительного движения Сухумского округа. Пользуясь дезорганизованностью правительственных властей, они в еще больших размерах совершали свои деяния; не забывали также своих старых врагов, Ширвана Туркия и меня, и энергично старались убить нас»[45].

В день, когда на базе особых боевых групп в Сухуме сформировалась народно-революционная милиция во главе с Л. И. Готошия, неожиданно для властей вышли из повиновения солдаты и казаки городского гарнизона. В течение 17—18 ноября 1905 г. продолжался солдатско-казачий митинг, потребовавший распространить на армию права, признанные манифестом 17 октября. На митинге были зачитаны 32 пункта «Требований солдат и казаков Сухумского гарнизона», в которых наряду с экономическими были выдвинуты и положения политического характера. Затем выступил Л. Готошия, призвавший солдат и казаков соединиться с пролетариатом, и крестьянством в одну грозную армию. Грандиозный митинг по уже установившейся традиции завершился «Марсельезой» и шествием солдат, казаков и революционного народа по улицам города[46].

Революционные преобразования были поддержаны воинскими формированиями. Комиссия народного суда сформировала и вооружила народную милицию ружьями, револьверами и через нее начала производить аресты, задерживая преступников. А утром 20 ноября с парохода «Пушкин» милиционерами Ф. Очи-

тава и Халилом Селим-оглы был снят пытавшийся бежать из Сухума пристав А. Ф. Скориков, после чего Л. Готошия передал его в руки правосудия — в Комиссию народного суда. Б. Н. Захаров подверг пристава допросу в присутствии собравшегося народа. Ему, в частности, задавались вопросы: по чьей вине в Сухум вызваны войска и не имеется ли в виду сорвать суд, как это уже имело место в июле. «Мне была поставлена в вину организация «черной сотни», — показывал позже Скориков. — Меня обвиняли в уничтожении того же самосуда в июле...» Помощник начальника округа П. Зенченко пытался пройти к приставу в народный суд, но был задержан и недопущен туда Л. Готошия и милиционерами. Напуганный революционным движением в Сухуме, начальник округа Джандиери «под предлогом службы», как говорит Скориков, «рано утром 20 ноября выехал в Гудауты». Но и в Гудаута было далеко неспокойно. Здесь функционировали, как и в Сухуме, народные суд и милиция, разоружались стражники и казаки. Следует отметить, что два этих революционных суда поддерживали постоянную связь, обменивались опытом работы, а порой обменивались и подсудимыми, которые доставлялись под охраной милиции. Так, задержанный Л. Готошия грабитель Микеладзе был передан Комиссией народного суда города Сухума в такой же суд в Гудаута, где и подвергся наказанию[47]. «Этот народный суд..., — отмечал Джандиери, — отправлял все функции суда и гражданского и уголовного»[48].

В самый разгар революционных событий администрация округа и города была полностью парализована. Более того, она пыталась осторожно оказать «поддержку» движению, заигрывая с ним в период высшего развития революции. А начальник округа социалист-федералист передал в распоряжение народного суда арестное помещение, лично выдал Захарову и Готошия оружие, предлагал в помощь суду стражников и казаков, через князя Тавдгиридзе выразил готовность взять на себя исполнение решений суда о высылке преступников[49].

Вся охрана в городе перешла в руки народной милиции, полиция и стражники самоупразднились, повсеместно устанавливался новый революционный порядок. Сухум был разбит на сектора, в каждом из которых размещались своеобразные наряды милиции — конные и пешие. Готошия был ответственным за соблюдение в городе революционной законности.

В этот период события в Абхазии, как и во всей империи, стремительно развивались, приближаясь к своему апогею. А газета «Черноморский вестник» сделала даже вывод, что в Сухуме «от старого режима не осталось и следов...»[50].

Итак, осенью 1905 г. в Сухуме и его окрестностях возникли своеобразные формы вооруженных организаций пролетариата: народная милиция или «самооборона», а также боевые отряды и группы. Одновременное существование милиции и боевых дружин было ха-

рактерным явлением для многих городов и местечек России. Но они представляли различные формы вооруженных сил пролетариата и отличались по своим задачам. Так, народная милиция ведала охраной революционного порядка и общественной безопасности, она формировалась из рабочих, крестьян и представителей других слоев населения. Большевистская милиция в Сухуме, возникшая на базе особых боевых групп, являлась по сути легальной формой комплектования боевых сил пролетариата. Милиция во главе с Л. Готошия подчинялась не Совету рабочих депутатов (в Закавказье Совет рабочих депутатов был только в Баку) или стачечному комитету, в отличие от других районов России, а Комиссии народного суда. Боевые дружины формировались боевыми организациями партийных комитетов, являлись основным пролетарским ядром революционной армии. Основная их цель, как и отрядов милиции — подготовка и активное участие в вооруженном восстании. Они готовили кадры бойцов и военных руководителей масс[51]. В Сухуме и некоторых других городах благодаря им большевики добились значительных успехов в борьбе за власть.

РАСПРАВА. После поражения Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., реакция по всей стране перешла в наступление. Ночью 20 декабря в Сухуме состоялось экстренное совещание, которое открыл Л. Джандиери и предложил немедленно ввести «положение об усиленной охране». В протоколе совещания особо подчеркивалось: «На

митингах и собраниях открыто проповедуется вооруженное восстание, причем объектом нападения указывается местное буржуазное общество, чиновники, интеллигенция и вообще все лица, не принадлежащие по терминологии местных социал-демократов к рабочим и их партии... Деятельность всех правительственных местных учреждений нарушена, авторитет последних сильно подорван, коронный суд фактически упразднен и заменен «народным»... Городское самоуправление разрушено. Дума насильственно прогнана в отставку, управе и городскому голове объявлен бойкот, сегодня же насильственно закрыто Казначейство с угрозами чинам Казначейства смертью за неисполнение требования присоединиться к забастовке, объявленной группой социал-демократов с 19 декабря. Последняя забастовка угрожает городу чрезвычайными событиями и кровопролитным столкновением... Проповедуется бойкот буржуазии, воспрещается продажа последней предметов первой необходимости, угрожают на завтра испортить водопровод, воспретили обращение в городе бумажных денег... В результате получается террор, анархия и насилие»[52].

По окончании совещания власти начали проводить карательные мероприятия: были запрещены митинги, политические шествия, демонстрации. На следующий день, 21 декабря, сухумский полицмейстер отдал приказ об аресте Л. И. Готошия, «как одного из главных лиц, нарушающих мирный образ жизни в гор. Сухуме». Он обвинялся в том, что во

главе народной милиции устраивал «демонстративные шествия по городу», распоряжался закрытием торговых и промышленных заведений, снимал «с работ рабочих с целью присоединения к своей партии» и возбуждал «чернь против буржуазии»[53].

Революционная власть в Сухуме просуществовала с 16 ноября по 20 декабря 1905 г.

Леван Готошия стал первой жертвой реакции в Абхазии. В тот же день, 21 декабря, его водворили за железную решетку Сухумской тюрьмы — одного из филиалов «романовского университета». Не прошло и недели, как 27 декабря к Л. Готошия присоединилась группа гудаутских большевиков во главе с его другом и соратником по партии Серго Орджоникидзе[54], арестованных во время выгрузки оружия в с. Бамборы. Сидевший тогда с ними революционер Б. Л. Дарчия вспоминал позже: «В тюрьме Серго находился вместе с Готошия и вместе с ним он яростно выступал против сидевших здесь же социалистов-федералистов»[55].

Через некоторое время арестован был и 32-летний Б. Н. Захаров. Готошия и Орджоникидзе сидели вместе почти шесть месяцев, до мая 1906 г., но уже в июне в Сухумской тюрьме из политических заключенных оставался один Леван Готошия[56].

«Как только нас привезли в Сухумскую тюрьму в камеру № 5, — писал соратник С. Орджоникидзе большевик В. З. Конджария, — мы узнали, что арестован Леван Готошия — активный сухумский большевик, он си-

дел в отдельном доме на территории тюрьмы. Готошия наводил буквально страх на начальника тюрьмы и жандармов...»[57].

Начальник округа Джандиери хотел во что бы то ни стало свести личные счеты с бесстрашным большевиком. 17 марта 1906 г. он ходатайствовал о высылке Л. Готошия «из пределов Кавказа в отдаленные губернии России на вечные времена»[58].

В это время царское правительство ожидало нового революционного взрыва и повсеместно ужесточало режим. 28 февраля 1906 г. Сухумский округ был объявлен на военном положении, его посетил кровавый генерал Алиханов, начали функционировать военно-полевые суды. Особенно большая угроза нависла над теми, кто принимал активное участие в движении и руководил боевыми дружинами большевиков. Не был исключением и 23-летний Леван Готошия. Администрация решила покончить с революционером-ленинцем. В результате провокационных действий властей 22 июня в 9 часов вечера рядовой 8-й роты 258-го Сухумского пехотного полка Шаландин произвел почти в упор выстрел из винтовки в сидевшего на окне камеры Л. Готошия и смертельно ранил его в бок навылет. Не сразу переведенный в городскую больницу, Леван Готошия к утру 23 июня 1906 г. скончался[59]. А подпоенный водкой палач, убивший большевика, получил 13 рублей вознаграждения и медную медаль...[60].

Через несколько дней после этого наглого убийства один из членов Государственной Ду-

мы получил из Сухума телеграмму с извещением о гибели Л. Готошия. Тогда же, 27 июня, тридцать два депутата Думы обратились с заявлением к ее председателю, в котором говорилось: «Усматривая в этом самовольную расправу с нежелательными администрации лицами, что не раз наблюдалось за последнее время на Кавказе, мы, нижеподписавшиеся, просим Государственную Думу сделать г-ну Председателю Совета Министров запрос: 1. Известно ли ему означенное обстоятельство 2. и если известно намерен ли он сделать соответствующее распоряжение для привлечения виновных к ответственности».

В заседании Государственной Думы 7 июля 1906 г. этот запрос был принят и передан Председателю Совета Министров[61]. Но на следующий день состоялось последнее заседание I Государственной Думы, и она прекратила свое существование. Этой бесцеремонной акцией царизм еще раз доказал, что способен расправиться не только с отдельными революционерами, но и с любым мало-мальски демократическим парламентом...

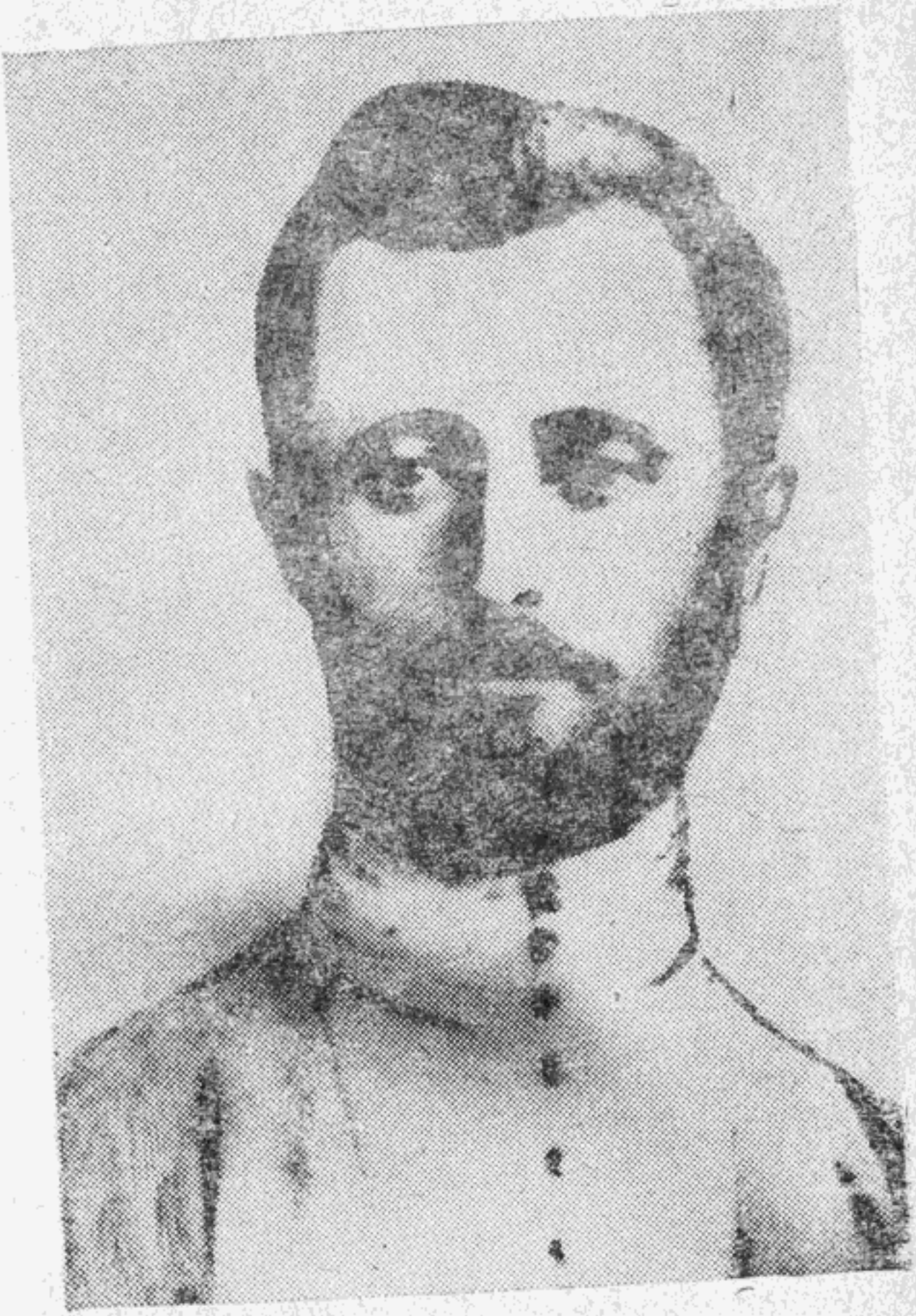
И, несмотря на то, что Левана Готошия — одного из руководителей большевистской организации Абхазии не стало, Сухумская группа Батумского комитета РСДРП продолжала активно действовать в подполье. В связи с разгоном I Государственной Думы она издала прокламацию[62], в которой говорилось: «Итак, все способы мирного разрешения государственного переустройства использованы: оста-

ется один путь, это путь революции... Долой царское самодержавие!»

Революция отступала, но продолжалась.

II. ПЛАТОН ЭМУХВАРИ — ГЛАВА «САМУРЗАКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

... В 1908 г. в министерстве юстиции Российской империи было заведено «Дело о П. Б. Эмухвари, осужденном за принадлежность к РСДРП в Кутаисской губернии в 1905 году». В первом департаменте юстиции по особо важным делам под грифом «секретно» хранились сведения — «*Князь Платон Бахович Эмухвари, 38 лет.* Приговором особого присутствия Тифлисской судебной палаты от 28 апреля 1908 года, признан виновным в том, что во второй половине декабря 1905 года вступил в образовавшееся в Самурзаканском участке Сухумского округа Кутаисской губернии преступное сообщество лиц, поставившее целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России... образа правления и имевшее в своем распоряжении склад оружия, в видах осуществления задач какового сообщества, сообщники вели среди населения систематическую публичную пропаганду революционных идей, возбуждающих слушателей к игнорированию правительственной власти, неплатежу податей и налогов, отказу в поставке рекрут, бойкоту правительственных лиц и учреждений и вооруженной борьбе с правительством

Платон Эмухвари (Эмхаа).

для ниспровержения путем восстания существующей формы правления и замены оной демократическою республикой... причем... Эмухвари действовал в качестве организатора и главы сообщества и учинил все вышеперечисленные действия...»[1].

Платон Бахович Эмухвари (Эмхаа) (1870—1922) — одна из наиболее крупных фигур революционного движения в Абхазии в 1905—1907 гг. Он был членом Батумского комитета РСДРП[2], первым революционером-большевиком из абхазцев, стоял во главе «Самурзаканской республики».

К сожалению, имя и деятельность этого замечательного представителя национально-освободительного движения долгое время оставались в тени. Впервые о П. Эмухвари упомянул историк А. А. Олонецкий[3]. Статью в гальской газете в 1975 г. посвятил отважному революционеру Л. М. Прицкер. Писал о нем и Б. Е. Сагария[4]. Новые сведения о П. Эмухвари сообщаются в монографии Г. А. Дзидзария[5]. Обнаруженные в последнее время интересные архивные документы в Москве и Тбилиси, а также некоторые неопубликованные воспоминания позволяют более широко рассказать о П. Эмухвари, его сподвижниках и о «Самурзаканской республике».

Было бы ошибкой думать, что революционная деятельность в Самурзаканском участке началась в 1905 г. Под влиянием событий в Западной Грузии и, прежде всего, в Гурии, где крестьянское движение началось еще в 1902 г. в связи с батумскими событиями, в

1903—1904 гг. накалилась обстановка и в Абхазии. В своих воспоминаниях «Странички революционной борьбы в Самурзакани» В. Г. Кавжарадзе писал, как по заданию Батумского комитета РСДРП выехал на работу в Абхазию, где с конца 1903 г. вел «среди крестьян революционную пропаганду» сначала в селе Члоу, а затем в Гали. Здесь он сблизился с Платоном Эмухвари, Константином Шария, Евстафием Гулуа и вместе с ними стал «вести агитацию среди крестьян против царя и помещиков, используя все случаи недовольства крестьян»[6].

«Нужно отметить, — вспоминал В. Г. Кавжарадзе, — что в этот период и в Абхазии создаются условия для революционной агитации и пропаганды. И на абхазских крестьян оказала влияние революционная борьба крестьян Гурии. Волна революционной борьбы перекатывается из Гурии в Мегрелию, а из Мегрелии доходит до Абхазии». Такое положение сложилось перед 1905 г. С началом же революции самурзаканские большевики переходят к активным действиям. Волнения начались с марта—апреля[7], но местное начальство старалось не сообщать выше о происходившем до тех пор, пока движение не усилилось. Позднее, в одном из документов говорилось, что с июня 1905 г. «в Самурзакани стали замечаться единичные случаи пропаганды среди населения революционных идей». А прапорщик милиции Сасрыква Лакербай показывал, что тогда же летом по Самурзакани стал ездить и агитировать крестьян Платон Эмухвари. Вместе с ним

пропаганду среди населения вели местные жители крестьянин Евстафий Гулуа и князь Леван Чичуа, а также приезжие учителя Чубурисхинджской и Цхирской школ Василий Кавжарадзе и Константин Шария. Они внушали рабочим и крестьянам, что «существующий строй страны никуда не годен», призывали к вооруженному восстанию и учреждению демократической республики. Особо подчеркивалось, что «всем движением народа руководил Платон Эмухвари»[8].

Временно и. д. начальника Сухумского округа капитан Зенченко в своем рапорте от 16 августа 1905 г. докладывал заведующему полицией на Кавказе, что в Самурзаканском участке «появились агитаторы из Зугдидского и Озургетского уездов, собиравшие сельские общества на тайные сходы и читающие различные прокламации с целью поколебать их в преданности правительству... Некоторые из числа влиятельных коренных жителей, видимо, перешли на сторону агитаторов, так как помимо того, что скрывают их местопребывание, но и помогают им в собрании жителей на тайные сходы»[9].

Среди «влиятельных коренных жителей» ведущую роль играл П. Эмухвари. Об этом свидетельствует и следующий документ. Так, в рапорте младшего урядника Гальского стражнического поста Усова от 31 августа 1905 г. на имя Зенченко отмечалось: «Жители Самурзаканского участка Платон Эмухвари, Арзакан Эмухвари и Павел Джонджуа с двумя еще мне неизвестными лицами открыто служат

вожакам злоумышленных преступных действий против «Власти Верховной», переходят с одного общества в другое, собирают группами народ в секретных местах и ведут с ними дьявольскую соблазнительную речь — о неправильностях правительственных распоряжений», призывают «не являться к призыву молодым солдатам, не повиноваться властям» и с троекратным возгласом «Долой Николая II!» и «громогласным «ура» заканчивают свои ядовитые слова, которые западают в сердца народа и приносят горький плод»[10].

Обстановка в Самурзакани накалялась с каждым днем. Осенью движение поднялось на новый более значительный этап. Уже 10 сентября заведующему полицией на Кавказе сообщалось, что агитаторы из Гурии и Мегрелии совместно с самурзаканскими социал-демократами призывают арендаторов не отдавать помещикам четверти урожая и «не повиноваться сельским должностным лицам... Пропаганда их проникла уже в население и были случаи открытого нежелания подчиниться решениям Мировых Посредников, как равно сельские старшины доносили о тайных собраниях сходов по селениям общин, которые охранялись самими жителями от посещения их сельскими старшинами»[11].

Позднее один из контрреволюционеров Л. Д. Дочия показывал: «Как самурзаканец, я знаю наше население довольно хорошо; оно мирное, всем довольно и если бы его не смутили такие люди, как Платон Эмухвари, никакой смуты не было бы...; он открыто вну-

шал, что никаких властей не должно быть и народ должен управляться сам собой...». К Эмухвари осенью примкнул считавшийся в Гальской общине «самым влиятельным и рассудительным» Чинчор Маргания[12].

Приближались знаменательные по своему значению дни. В Самурзаканском участке состоялись антиправительственные митинги и в результате «15 октября 1905 г. на призыве часть рекрутов разбежалась»[13].

Всеобщая октябрьская стачка в России и царский манифест 17 октября послужили очередным толчком к массовому выступлению крестьян в Гали и окружающих селах. На собраниях под председательством П. Эмухвари крестьяне выносили решения о борьбе с царизмом, о захвате власти в свои руки. На одном из сходов в целях самозащиты и «на случай возможной активной борьбы с правительственными войсками» социал-демократы, ведомые П. Эмухвари, который учительствовал до революции в селе Окум[14], осенью 1905 г. создали из рабочих и крестьян «боевую дружину, называвшуюся «красной сотней».

События первостепенного значения произошли в Самурзакани в начале декабря, т. е. когда вся Россия, Кавказ бушевали, охваченные пламенем революции. Московские большевики готовились к вооруженному восстанию, в Кутаисе успешно действовали социал-демократы вместе с «красным губернатором» В. А. Старосельским и его заместителем Кипшидзе, установившими по сути революцион-

ную власть. В Сухуме функционировал народный суд, бойкотировались правительственные власти, происходили митинги в местном гарнизоне, вместо полиции сформировалась народно-революционная милиция. Тогда же получила право на жизнь «Гудаутская республика» во главе с С. Орджоникидзе. Позиции революционеров были крепки и в Гаграх, где большевики готовились принять участие в Сочинском вооруженном восстании.

А в Самурзакани, близ села Чубурисхинджи, на правом берегу реки Ингур, П. Эмухвари со своими товарищами 4-го декабря 1905 г. собрал жителей участка, чтобы решить, наконец, вопрос об абреках, которые почти все явились к народу на сход[15] и поклялись принять участие в борьбе за свободу и независимость. Из абреков, давших народу клятву, Платон Эмухвари тут же сформировал хорошо вооруженный боевой отряд. В это время через Ингур переправились двое вооруженных людей и сообщили, что в Зугдиди находится кутаисский вице-губернатор Кипшидзе, и что он желает побеседовать с самурзаканцами. Скоро показалось около 700 всадников[16] с красными флагами и надписями на них: «Да здравствует свобода!»[17] К сходу самурзаканцев подъехал сочувствовавший революционерам Кипшидзе в сопровождении помощника Зугдидского уездного начальника и двух мировых посредников[18].

Впоследствии князь из села Отобая Петр Анчабадзе показывал: «Признаюсь, нас сильно удивил такой порядок разъезда предста-

вителя правительственной власти»[19]. Кипшидзе поздравил многотысячный сход самурзаканцев с манифестом 17 октября и объявил, что «народ отныне должен жить свободной жизнью», что «времена теперь переменились и настала пора широкого самоуправления». Стражник Гавриил Чантурия признавал, что и до приезда вице-губернатора Платон Эмухвари и его сподвижники Е. Гулуа, В. Кавжарадзе и студент В. Демурия «мутили воду», призывали население не платить в казну податей, не признавать правительственную власть»[20]. Словам стражника вторил и прапорщик милиции Лакербай: «До приезда вице-губернатора и Платон Эмухвари мутил втихомолку, но затем... на разных собраниях... открыто уверял, что старого правительства больше нет.., что землю нужно поделить поровну и что никаких повинностей не следует платить...».

После столь знаменательного революционного выступления Кипшидзе «население совершенно изменилось и начало верить всему тому, что говорили названные Эмухвари, Гулуа, Кавжарадзе и Демурия, да и они, видя, что их слушают, начали вести себя смелее. Платон во всех общинах Самурзакани назначил тысяцких и сотских от «эртоба» и сформировал красную сотню; из Гальских жителей в последней было человек до десяти...: сын дворянина Кочоча Маргания.., Бахва Чачибая, Дзокья Квеквескири, Шахан Квеквескири, Чарая и Джгереная..; они были с ног до головы вооружены, а на левом рукаве имели красные

нашивки..; ближайшим помощником Платона по сотне был дворянин Кочоча Бакуров Маргания». Между тем, на объединенном сходе самурзаканцев и зугдидцев 4 декабря вслед за Кипшидзе выступил, сидя верхом на коне, приехавший вместе с ним студент Леон Шенгелая[21]. В обвинительном акте по делу П. Эмухвари за 1908 г. особо отмечалось: «...Из толпы, окружавшей Кипшидзе, выделился студент Леон Шенгелая.., ныне состоящий под судом по обвинению его в принадлежности к преступному сообществу, именовавшемуся Зугдидской организацией Российской социал-демократической рабочей партии, и под красным революционным знаменем произнес перед самурзаканцами речь, возбуждая слушателей к насильственному ниспровержению существующего в Империи государственного строя, повторив в общем те доводы, которые часто высказывались Эмухвари, Чичуа, Кавжарадзе, Шария, Гулуа и др. В связи с поздравлением Кипшидзе эта речь, произнесенная в присутствии и как бы с ведома и одобрения высшего чина губернской администрации, произвела ошеломляющее впечатление на самурзаканцев, и все вместе взятое вселило в них всеобщее убеждение, что, действительно, старому режиму наступил конец и все слышанное на митингах от агитаторов есть сущая правда. С этого времени в Самурзаканском участке значение и авторитет Эмухвари... возросли до крайних пределов, и народное брожение пошло ускоренным темпом»[22].

П. Эмухвари был лично знаком не только

с революционером вице-губернатором Кипшидзе, но и со студентом Л. Шенгелая, впоследствии грузинским писателем, известным под псевдонимом Лео Киачели (1884 — 1963)[23]. Так, в одном из полицейских досье 1906 г. говорится, что Леон Михайлович Шенгелая, житель м. Зугдиди, «привлечен в качестве обвиняемого по делу «О Зугдидской революционной организации» и ныне содержится под стражею в Кутаисском тюремном замке»[24].

Не удивительно, что речь будущего писателя, автора крупных историко-революционных произведений, которому тогда был всего 21 год, «произвела ошеломляющее впечатление на самурзаканцев». Участник схода 4 декабря 1905 г. В. Г. Кавжарадзе вспоминал: «На этом собрании, между прочим, присутствовали Лео Киачели, а также вице-губернатор Кутаисской губернии Кипшидзе»[25]. Таким образом, перед нами редкий факт: воспоминание подкрепляется рядом архивных документов.

О пребывании Л. Киачели в Абхазии в разгар революционных событий было до сих пор неизвестно. Не упоминает об этом и Акакий Топуриа в своем наиболее полном исследовании о писателе.

Несомненно, что Кипшидзе приехал в Абхазию по поручению «красного губернатора» В. А. Старосельского, который, конечно же, был хорошо осведомлен об активной деятельности Платона Эмухвари. Целью этого визита было, как выразился сам Кипшидзе, условиться «действовать сообща с зугдидцами»[26]. Так-

тика революционной борьбы настоятельно требовала слить в единый революционный поток движение Западной Грузии и Абхазии. Попытка такого слияния, «эртобы» — единства, и была предпринята вице-губернатором Кипшидзе и Лео Киачели с одной стороны, Платоном Эмухвари — с другой.

Интересно, что в своем малоизвестном стихотворении в прозе «Эртоба», посвященном 1905 г., Самсон Чанба писал: «...И пела ту же песнь о воле, «эртобе» родная наша Абхазия-Апсны».

Заслуживает внимания и следующий красноречивый факт. В начале апреля 1907 г., накануне V съезда РСДРП, в присутствии М. Цхакая, С. Шаумяна и других в одной из комнат Курсов Лесгафта в Петербурге состоялось знакомство В. И. Ленина с В. А. Старосельским. Большевичка Л. Н. Воронова, бывшая очевидицей этой встречи, вспоминала, что Ленин попросил Старосельского рассказать о революционных преобразованиях в Кутаисской губернии в 1905 г. и интересовался, как удалось объединить против царизма различные народности губернии[27].

...Спустя неделю после объединенного схода 4 декабря весь Самурзаканский участок продолжал кипеть от избытка революционной энергии трудящихся. И вот, 10 декабря 1905 г., на том же месте, в Чубурисхинджской общине, у живописного берега Ингура вновь собрался народ, но на сей раз только самурзаканцы. Начальник Самурзаканского участка М. И. Глинский отмечал, что «вожаками

там были Платон Эмухвари, Чинчор Маргания и учитель Чубурисхинджской школы Кавжарадзе». В присутствии народа они объявили Глинскому, что «население собралось для того, чтобы решить вопрос относительно полиции, которая совсем никому не нужна...»[28].

А тем временем по договоренности с Кипшидзе гальский крестьянин Евстафий Гулуа был командирован в Зугдиди Платоном Эмухвари, где получил 40 швейцарских ружей, которыми вооружились члены одной из боевых дружин под командованием Ч. Маргания[29].

На сходе 10 декабря было решено «отобрать казенное оружие стражи даже путем насилия, если это понадобится и... изгнать из пределов участка ненужную полицейскую власть»[30]. Тогда же, по свидетельству Глинского, Чинчор Маргания был замечен как «оберегатель красного революционного знамени», а Темур Кецбая из своей лавки «снабжал продуктами революционеров». На следующий день по всему участку стали носиться смутные слухи о том, будто скоро произойдет разоружение стражников. За три дня до разоружения Ч. Маргания, по словам стражника Ингурского поста Джармы Зухбая, объявил, что «в Зугдидском и Сенакском уездах стражники добровольно передали казенные винтовки населению и что он советует нам также передать наши винтовки...». Целью изъятия оружия было вооружение «красной сотни», которая состояла из жителей Самурзаканского, Кодорского участков и Зугдидского уезда.

На сходе 10 декабря «Эмухвари заявил, что он явился... для формирования вооруженной красной сотни», в которую влились новые абреческие отряды, давшие клятву защищать интересы народа. Платон Эмухвари проводил неутомимую военно-боевую работу, вынашивал, как говорится в обвинительном акте, «идею вооруженного восстания, бойкота старому порядку» и провозглашения «будущей республики», для чего задумал воспользоваться оружием местной полицейской стражи «на случай посылки их на борьбу с правительственными войсками». Поэтому «Эмухвари неоднократно вступал в переговоры с чинами полицейской стражи.., убеждая их отречься от присяги, перейти на сторону народа и выдать последнему добровольно свое казенное оружие». Пытаясь ликвидировать нависшую угрозу, в м. Гали — административный центр Самурзаканского участка, по приказу Глинского со всех постов были стянуты стражнические наряды. В ответ на эти меры «Эмухвари решил насильственным путем обезоружить команду, состоявшую из 15 нижних чинов при уряднике Войтенко»[31].

Через пять дней после второго многотысячного схода в Чубурисхинджи, утром 15 декабря 1905 г., по набату на гальской базарной площади собралась вооруженная толпа «вместе с наличным составом боевой народной дружины»[32]. Явилось все местное общество и по 5 человек уполномоченных от других, всего около 400 человек, и решили силой отобрать у стражников оружие. Но прежде

П. Эмухвари в сопровождении Чинчора и Михаила Маргания явился к начальнику участка и потребовал немедленно выдать оружие. «Предупредив меня, — показывал Глинский,— что если я не исполню этого, то и я, и все стражники будут уничтожены, причем Платон Эмухвари, указал на бывший у него в руках какой-то круглый предмет, завернутый в бумагу, сказал, что это бомба, приготовленная для меня и стражников...»[33].

В судебном материале подчеркивалось: «Вследствие проявленного Глинским и Войтенко малодушия, команде было предписано выдать оружие и патроны, и стражники исполнили это требование... Таким образом Глинский и Войтенко передали восемнадцать винтовок и запас патронов Эмухвари... С разоружением стражи все управление участком окончательно и фактически перешло в руки преступной организации во главе с Эмухвари»[34]. Добавим, что революционеры получили 28 ящиков патронов. С этого знаменательного дня, с 15 декабря 1905 г., начинает свое существование маленькая, свободолюбивая «Самурзаканская республика». Получил право на жизнь новый революционно-демократический порядок. Крестьяне-арендаторы отказываются платить помещикам за землю, начинает функционировать народный суд[35], создаются по примеру Гурии единственные в Абхазии крестьянские комитеты — органы революционной власти. Инициатором и проводником этих преобразований в Самурзакани был П. Эмухвари.

«Тогда же, — говорится в обвинительном

акте, — были набраны в селениях народные административные лица взамен упраздненных должностных лиц — тысяцкие и сотские.., и это время ознаменовалось открытыми актами насилий и пропаганды на митингах; последних было в конце декабря семь или восемь в м. Гали, на базарной площади; в дурную погоду сходки имели место в местной школе; красная сотня и члены организации ходили с красным революционным знаменем, на котором было написано: «Знамя свободы», «Долой царя»[36].

После того, как стражники передали винтовки через свое начальство представителям Гальской общины, на квартиру к Глинскому неоднократно приходил со своими людьми П. Эмухвари и требовал, чтобы тот добровольно отдал отобранное ранее у самурзаканцев оружие, а также револьвер и карабин-берданку самого Глинского.

А 30 декабря 1905 г. революционеры устроили митинг в гальской школе, на котором решили собрать на следующий день народный сход. С утра в Гали стали собираться революционно настроенные трудящиеся. На сходе «было постановлено объявить полный бойкот полиции с воспрещением отпуска стражникам всяких продуктов; после чего... народ ходил с красным флагом и пением Марсельезы»[37].

Несмотря на то, что по всей империи, после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве, реакция перешла в наступление, в Самурзакани и в январские дни со-

бытия продолжали развиваться по восходящей линии. Им не могло, на первых порах, помешать и положение об усиленной охране, введенное в Сухумском округе в ночь на 21-е декабря.

Первый день нового 1906 г. ознаменовался в Гали крупным событием. П. Эмухвари и В. Демурия вместе с 20 вооруженными красносотенцами и революционным народом вошли во время литургии с пением «Марсельезы» в Гальскую церковь. Поставив красное знамя с надписью «Долой Николая II!» у амвона, П. Эмухвари и В. Демурия обратились к священнику Сванидзе, вышедшему из царских врат со святыми дарами, с требованием не упоминать при богослужении имени царя и правительственных особ и «отслужить панихиду по убитом поборнике народной свободы лейтенанте Шмидте»[38]. Как известно, П. П. Шмидт был казнен позже, но слух о его гибели всколыхнул всю Самурзакань и привел к организации демонстраций протеста. Так, 1-го января 1906 г. не только в Гали, но и «во многих церквах сел. Баргеби и Чубурисхинджи повторилось то же самое». На следующий день, 2-го января, после отъезда стражников в Сухум для допроса, к Глинскому около 9 часов вечера вошли в квартиру четыре красносотенца, произвели обыск и отобрали оружие. Фактически низложенному начальнику участка 3-го января была вручена записка: «Михаил Иванович, во избежание могущих возникнуть печальных инцидентов, просят Вас со стражниками покинуть Гали».

В конце стояла подпись: «Р.С.Д.Р. партия». Записку, как выяснилось, написал студент В. Демурия[39].

После обыска М. И. Глинский был арестован и пробыл под караулом красной сотни с 5 по 8 января, а затем выехал из Гали в Окум. За день до выезда Глинского красносотенцы задержали стражника Иосифа Папаскуа, отобрали у него винтовку и на время арестовали, причем П. Эмухвари хотел заковать его в кандалы.

Освобожденный без ведома Эмухвари из-под ареста, напуганный, но счастливый Глинский, «захватив с собой стражника Гвалия и унеся тайком портрет Государя, часть корреспонденции и канцелярскую мелочь, уехал в соседнее село Окум». Узнав о случившемся, «Платон Эмухвари 9 января 1906 г. вместе с красной сотней явился в сел. Окум и потребовал выдачи укрывшегося Глинского»[40]. Но окумцы ответили отказом. Тогда дружина красносотенцев открыла по ним огонь, в результате чего завязалась перестрелка и П. Эмухвари был ранен[41]. В тот же день Глинский написал начальнику Сухумского округа: «Прошу немедленно сильной военной помощи»[42]. Помощь пришла раньше, чем этого ожидал Глинский. Так завершился период «Самурзаканской республики»[43]. Но ушедшие в лес красносотенцы продолжали вооружаться, чтобы защищаться «от Алиханова, собиравшегося... явиться в Сухумский округ для усмирения беспорядков», так как еще 8 янва-

ря 1906 г. Кутаисская губерния была объявлена на военном положении[44].

В Самурзаканском участке, сухо отмечалось в официальном бюрократическом документе, «наступило правительственное воздействие и общественная жизнь вступила в нормальные законные рамки»[45]. Нормальным считалось то, что реакция подняла голову в участке. В селе Бедия на собрании представителей высшего сословия была создана «черная сотня» Самурзаканского участка во главе с князем А. Шервашидзе[46]. Ими повсюду разыскивались члены боевой дружины красносотенцев.

В это время П. Эмухвари, охраняемый боевиками, залечивал свои раны. Каратель генерал Алиханов, расправившись с революционным движением в Гурии, Имеретии, Мегрелии, прибыл в Абхазию и отдал приказ — уничтожить артиллерийским огнем те селения, в которых крестьяне откажутся выдать руководителей восстания.

Чтобы не стать причиной невинных жертв, П. Эмухвари вместе с боевыми друзьями сам явился к представителям власти. Революционеры были заключены в «сухумскую бастилию» 17 августа 1907 г.[47]

С этого момента стало рассматриваться дело о руководителях «Самурзаканской республики». Не удалось арестовать только одного человека — студента Виссариона Демурия, жителя Сенакского уезда, привлекавшегося к дознанию в 1905 г. Интересно, что он вынужден был эмигрировать из России. В но-

ябре 1914 г. В. Демурия писал в Тифлисскую судебную палату из Бухареста: «По делу о так называемой «Самурзаканской республике», конца 1905 года, я предан суду. ... Это обстоятельство вынуждает меня доселе проживать вне пределов России»[48].

Но репрессии постигли не только революционеров. Под суд был отдан и поручик Глинский по обвинению «в бездействии властей и попустительстве революционной деятельности» в Самурзаканском участке[49]. В обвинительном акте Тифлисской судебной палаты от 25 июля 1907 г. в отношении большевика Эмухвари отмечалось, что «он являлся вершителем всех дел организации и главным представителем ее». По делу о «Самурзаканской республике» 28 апреля 1908 г. ее глава Платон Бахович Эмухвари (38 лет) был осужден на четыре года каторги с лишением прав состояния, учитель Василий Георгиевич Кавжарадзе (24 лет) и крестьянин Евстафий Тотиевич Гулуа (40 лет) к пожизненной ссылке в Сибирь, а князь Леван Михайлович Чичуа (24 лет) и учитель Константин Георгиевич Шария (32 лет) получили по два года крепости каждый[50].

Приговор вступил в силу 31 июля 1908 г.[51] Из Сухумской тюрьмы Эмухвари, тяжело больного туберкулезом легких, перевели в Кутаисскую. Без средств к существованию остались его шестеро детей и жена, так как еще накануне революции он роздал свою землю крестьянам, а деньги внес в фонд революционного подполья. В 1909 г. 13 июля он писал

на имя Николая II: «...По обвинению в государственном преступлении, содеянном в 1905 г. и заключавшемся в пропагандировании целей социал-демократической Российской революционной партии среди населения Самурзаканского участка Сухумского округа, я осужден в каторжные работы на *4 года,* каковое наказание и несу в Кутаисской тюрьме»[52].

В 1912 г. П. Эмухвари вышел из заключения и вопреки строжайшему воспрещению на все время действия военного положения проживать в пределах Кавказа, все же вернулся на родину. С началом мировой войны в июле 1914 г. положение еще более ухудшилось. При сложившейся обстановке большевик Платон Эмухвари был крайне опасным для администрации. Учитывая огромную его популярность среди трудящихся, были приняты экстренные меры к поимке революционера, задействована агентурная сеть. В октябре 1914 г. Эмухвари арестовали и заточили в Сухумскую тюрьму. Помощник начальника Кутаисского ГЖУ в Сухумском округе подполковник Пиралов сообщал начальнику Сухумской тюрьмы: «9-го сего ноября за № 811 мною сделано представление по телеграфу начальнику Кутаисского губернского жандармского управления о продлении срока содержания под стражей во вверенной Вам тюрьме Платона *Эмухвари,* а потому названное лицо освобождению из-под стражи не подлежит». Спустя несколько дней, 13 ноября, начальник Кутаисского ГЖУ уведомил, что срок ареста Эмухвари продлен. Изоляция революционера в тюрьме продолжа-

лась вместо одного месяца почти полгода.

На первом «прошении» П. Эмухвари об освобождении на имя начальника Сухумского округа от 28 января 1915 г. генерал-майор Засыпкин небрежно расписался синим карандашом: *«Отказать, т. к. до задержания скрывался от властей. 5/II-915 ».*

А в своем повторном «прошении» большевик писал: «По постановлению Вашего Превосходительства я выслан из пределов Кавказа до снятия военного положения. Представляя при сем удостоверение г. тюремного врача от 10 февраля с/г за № 61 о том, что я одержим хроническим воспалительным процессом легких турберкулезного характера во 2-й стадии его развития при общем упадке питания, и... так как по своей слабости я не в состоянии следовать этапным порядком до места нового жительства, то прошу благоволите разрешить мне самому выехать на свой счет... О последующем Вашем распоряжении прошу уведомить через тюремную контору. — Проситель Платон Бахович Эмухвари. 1915 года, 14 февраля. Сухумская тюрьма».

Через две недели, 27 февраля, последовал лаконичный ответ Засыпкина: *«Отклонить»*[53].

В марте 1915 г. П. Эмухвари по этапу отправили в г. Мариуполь и водворили на жительство под гласный надзор полиции.

Вернулся он на родину тяжелобольным, но не сломленным, после Февральской революции[54]. Об этом, в частности, свидетельствует ветеран партии И. К. Тания, который хорошо помнит, как в 1917 г. П. Эмухвари дважды

произнес торжествующие речи о падении самодержавного строя в России на многолюдных митингах в Очамчира.

«Находясь в бедственном материальном положении, совершенно больной» Платон Эмухвари 14 сентября 1920 г. писал: «За борьбу в интересах народа против царского режима мне пришлось провести в заключении несколько лет, последствием чего было полное расстройство моего здоровья. За то же время исчезло и все мое имущественное достояние»[55].

Умер он «большевиком при Советизации Абхазии» в 1922 г.[56]

По-разному сложились дальнейшие судьбы руководителей «Самурзаканской республики», но памятными для каждого из них остались дни народно-революционной власти, просуществовавшей с 15 декабря 1905 по 9 января 1906 г. или 26 дней свободы.

В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин отмечал, что некоторые области России «переживали в те дни период различных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена», но, к сожалению, эти периоды были слишком краткими, «победы слишком слабыми, слишком изолированными»[57].

Одной из таких ярких республик была «Самурзаканская республика» в Абхазии, возглавляемая Платоном Баховичем Эмухвари — революционером и гражданином. Только такой умный, бесстрашный, надежный человек, в затерявшейся глуши, на самой «окраине окраин» Российской империи — в Самурзакани,

где, казалось, ничего не могло бы и произойти, где время неподвижно, как лежащий буйвол, услышал пульс эпохи, набат революции и, не задумываясь, весь, вместе с последним воздухом в своих обреченных легких, отдал себя справедливому делу борьбы, пошел по пути, начертанном великим своим ровесником В. И. Лениным.

«Платон Эмухвари был выдающимся революционером»[58], — писал в 20-летие первой российской революции один из его соратников по борьбе.

III. «ЭКС» НА ПАРОХОДЕ «ЦЕСАРЕВИЧ ГЕОРГИЙ»

К началу второго периода боевые организации большевиков овладели различными формами борьбы с самодержавием. 1906-й год вошел в историю боевых организаций, как год «эксов» — актов экспроприации крупных денежных средств и драгоценностей у правительства, буржуа и помещиков. В. И. Ленин возлагал в этом смысле большие надежды на Кавказ, который с честью их оправдал[1].

Вопрос о боевой работе, в частности, об экспроприациях остро встал на проходившем в апреле 1906 г. в Стокгольме IV (Объединительном) съезде РСДРП. К «эксам» меньшевики относились, как к одному из наиболее ярких проявлений бланкизма, анархизма и терроризма. Меньшевики, по сути, выступили против создания таких боевых групп и отвер-

гали, в отличие от большевиков, возможность вооруженного восстания в России в текущем году. Они считали революцию оконченной. Но революция продолжалась. Взрывоопасная обстановка создалась на Кавказе, шла подготовка к новому вооруженному восстанию. Об этом свидетельствует письмо наместника на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова на имя Николая II от 16 августа 1906 г. В нем говорилось: «По агентурным сведениям из Тифлиса, Кутаиса, Батума, Поти, Сухума надо ожидать в конце этого или в начале будущего месяца взрыва революционного движения, а теперь идет деятельная к нему подготовка»[2]. Причин к таким обобщениям у наместника было больше чем достаточно.

Бумажный шторм донесений, циркуляров, доверительных писем, телеграмм сотрясал кавказскую администрацию, захлестывал чиновничий аппарат. Директор департамента полиции неустанно «бомбил» секретными письмами полицейского генерала Евгения Николаевича Ширинкина. 25 июня 1906 г. он писал: «По сведениям нашего консула в Ливерпуле оружие водворяется в Россию на пароходах, доставляющих нефть в Англию, Ирландию, Дублин и Белфаст с возвращающихся уже оттуда с оружием в русские черноморские порты, преимущественно в Батум, Поти и Сухум»[3].

Незадолго до этого стало известно, что в мае в Сухум на турецком баркасе доставлены были 70 винтовок, 33 револьвера и 50 тысяч патронов, поступивших на вооружение рево-

люционеров[4]. Тогда же прокатилась шумная волна экспроприаций. Большевики именовали их коротко: «экс». Оно звучало мгновенно, неожиданно, как дерзкий налет на казначейство, ночной почтовый поезд, как взрыв ручной бомбы-«македонки» или выстрел из скорострельной винтовки, конечно же, новейшего образца. Это зловещее для правительства слово «экс» еще раз облетело всю Россию в сентябре 1906 г.

Сентябрь в Абхазии выдался на редкость жарким. Его даже нельзя было назвать продолжением лета — это было само лето. До сих пор этот крупнейший «экс» в России, имевший место в Абхазии, не только не привлек к себе внимание историков, но и вообще не затрагивался исследователями. Между тем сенсационное сообщение «Санкт-Петербургского телеграфного агентства» облетело весь мир. В нем говорилось: «*Сухум.* 20-го сентября. На отошедшем ночью на Батум пароходе русского общества «Георгий» 25 злоумышленников под угрозой смерти *принудили капитана остановить пароход около Кодора, забрали почту и 16 000 рублей.* Выстрелами злоумышленники загнали пассажиров... и команду в помещение 3-го класса и заняли выходы. Пассажиры 1-го класса пытались оказать сопротивление и произвели выстрелы, но грабители пригрозили убить находившихся в их руках заложников в лице двух помощников капитана и четырех матросов. Потребовав шлюпку, грабители в сопровождении заложников, высадились на берег»[5].

Это была не газетная «утка». Подробности об «эксе» поступали в особый отдел Кавказской полиции и в министерство внутренних дел империи. Боевики с государственными деньгами как в воду канули.

По делу началось следствие. У него появился номер. В папку стали собирать бумажки. По ним можно восстановить во всех подробностях «экс» на пароходе «Цесаревич Георгий». Можно даже узнать какая была погода. Днем было ясно и жарко, а ночью было ясно и звездно. Медленно покачиваясь на волнах, в 10 часов вечера в сухумскую бухту, как старая галоша, вошел направлявшийся в Батум пароход Российского общества П. и Т. «Дмитрий». Через час он продолжил свой путь. Тогда же, в ночь на 20 сентября, прибыл и пароход Русского общества П. и Т. «Цесаревич Георгий», ушедший из Сухума после 12-ти ночи. Здесь на корабль было продано тринадцать билетов[6]. Через полчаса пароход поравнялся с мысом Кодор. Чины пограничной стражи исправно несли свою нелегкую службу в столь тревожные времена. Один из разъездов на фелюге видел пароход, «но за дальностью расстояния не мог определить, идет — или стоит пароход, и не мог видеть спущенной с парохода шлюпки, так как шлюпки, окрашенные в белый цвет, ночью хотя бы и при луне на расстоянии более полуверсты сливаются с поверхностью моря и незаметны». Парный конный разъезд под командой ефрейтора Свищенко обратил внимание на то, что «Цесаревич Георгий» остановился у мыса Ко-

дор и даже на время потушил огни, «но за отсутствием каких-либо тревожных сигналов с парохода»[7], двинулся дальше.

Между тем на пароходе происходило следующее. «Когда пароход снялся из Сухума в Очамчиры, — говорилось в корреспонденции «Ограбление почты на пароходе», — и в час ночи находился на высоте мыса Кодор, дежурный вахтенный офицер и рулевой внезапно были арестованы неизвестными, вооруженными карабинами маузера, потребовавшими остановить пароход... Тем временем находящиеся на палубе неизвестные, перекрыв все ходы сообщения экипажа с остальным персоналом пароходной прислуги и согнав с палубы в каюты всех бодрствующих еще пассажиров, с приказанием под страхом смерти «не пикнуть», — расставили всюду вооруженные дозоры и потребовали от капитана указать, где почта. Капитан, в сопровождении их, спустился в почтовую камеру, разбудил почтового чиновника и объяснил последнему суть дела. Почтовому чиновнику оставалось только констатировать печальную действительность и быть вторым свидетелем «экспроприации» казенных денег. Почтовые сумки тут же были вскрыты и содержимое взято. Когда «операция» окончилась, приказано было капитану спустить шлюпки и доставить их на берег. Когда шлюпки были спущены, неизвестные потребовали, чтобы прежде сели помощники капитана с гребцами; и это приказание было исполнено: помощники капитана спустились на шлюпки и, приняв в них своих непроше-

ных гостей, благополучно доставили и высадили их на берег, так бережно и предупредительно, что предводитель нападавших чрезвычайно был тронут их добросовестным исполнением долга службы, и поэтому приказал выдать матросам 10 руб. на чай. Затем пароход получил разрешение идти дальше...»[8].

Так, в ночь на 20-е сентября 1906 г. в 1 час 15 минут у Кодорского мыса[9] была экспроприирована почта, причем взяты были лишь крупные пакеты: один в 9 тысяч рублей, а другой в 7 тысяч. Боевая группа состояла из 25 человек. Почти все они были из рабочих, а несколько человек из интеллигентов. Помимо револьверов и берданок, у них «были и бомбы», которыми они грозили разнести пароход в случае неповиновения. По слухам, на корабле находилось до полумиллиона рублей, но нападавшие якобы не смогли забрать все деньги, так как торопились[10]. Садились они на пароход партиями: в Новороссийске, в Новом Афоне и в Сухуме[11].

Подробности «экса» через несколько дней рассказал капитан «Цесаревича Георгия» М. Е. Синькевич:* «— Слушать команду — распоряжался один, по-видимому, атаман, с типичным восточным лицом и грузинским акцентом... Два субъекта направили на меня стволы револьверов.

— Мы революционеры с головы до ног, — обратился ко мне один из них, — мы не разбойники. Для целей революции нам нужны

---

* В 1907 г. он был убит революционерами.

средства, но мы берем только казенные деньги. Подчиняйтесь нашим приказам, и дело обойдется без крови и жертв. Но беда вам, если вы вздумаете сопротивляться. Мы перебьем вас всех.., мы взорвем ваш пароход...

Я повиновался.

... Революционеры высадились на мысе Кодор. По дороге к берегу грабители передавали заложникам, что они думали «операцию» совершить под Новороссийском, но, вследствие волнения на море, отложили дело до Кодора. Любезно простившись с заложниками, бандиты пожелали им счастливого пути, а один прибавил: «До скорого свидания!»[12].

Среди абхазов Очамчирского (Кодорского) района до сих пор широкой известностью пользуется рассказ о том, что в изъятии казенных денег на пароходе у Кодора вместе с группой большевиков принимал деятельное участие Степан Капба. Его сестра Ц. Капба-Аршба помнит, как в селе Гуп скрывались революционеры-боевики участники этой операции.

Некоторые важные детали, переданные Ц. Капба-Аршба, перекликаются с документами. Вскоре в одном из сообщений отмечалось: «Ограбившие пароход «Георгий» 20 гурийцев и двое русских, по имеющимся сведениям, перешли в Зугдидский уезд и там скрылись»[13]. Чрезвычайные меры к поимке боевиков были предприняты лишь утром 20 сентября. По тревоге был поднят Сухумский 258 пехотный резервный полк под командой Фон-Бадера, а также казаки, стражники,

полиция. Возглавил поиск начальник Сухумского округа кн. Джандиери. Розыск велся в нескольких направлениях — в районе Цебельды, Дала и по Сухумо-Зугдидскому шоссе. 22 сентября 1906 г. стражники задержали в Гали трех гурийцев из Озургетского уезда — П. Д. Ломтатидзе, В. З. Каландадзе и К. В. Георгадзе, подозреваемых в налете на пароход. Но за неимением доказательств они были освобождены[14].

Безуспешность преследования полковник Джандиери объяснял «несвоевременным сообщением капитаном парохода об этом происшествии и отчасти слабым надзором чинов пограничной стражи, пост которых расположен там же, и которые, оказывается, видели, что пароход остановился не на обычном месте и потушил все огни, но никакого внимания не обратили».

Начальник Сухумского округа получил сообщение об «эксе» казенной почты из м. Очамчиры телеграммой от начальника Кодорского участка 20 сентября в 8 часов утра. Джандиери негодовал: «Ограбление совершено в 11—12 верстах от гор. Сухумской пристани в 1 час ночи; если бы капитан повернул к Сухумской пристани, то через 15 — 20 минут о происшедшем было бы известно и преследование могло быть открыто через 30 минут после ограбления, между тем известие о случившемся было получено через 7 часов...»[15].

В целом, операция, проведенная боевиками на «Цесаревиче Георгии», увенчалась полным успехом. Сообщения прессы лишь отмечали,

что «начальнику Округа г. Джандиери, выехавшему по направлению к р. Ингуру, *удалось напасть на следы грабителей,* ограбивших на Черном море пароход Русского общества пароходства и торговли «Георгий»[16]. Но скоро в Абхазии прошел сильный ливень, окончательно смывший следы... Несмотря на повальные неудачи, департамент полиции продолжал розыск дерзких боевиков. Так, по сообщению особого отдела полиции 7 марта 1907 г. в Самурзаканском участке при перестрелке стражниками был убит абрек Ила Кварацхелия, принимавший якобы участие в «эксе» 20 сентября 1906 г.[17] Затем обнаружен был еще один боевик, проходивший по этому делу. 19 ноября 1907 г. из министерства внутренних дел на имя заведующего особым отделом полиции на Кавказе поступило срочное донесение: «По имеющимся в Департаменте сведениям бежавший каторжник, ныне содержащийся в Екатеринославской тюрьме *Нестор Кашебадзе,* принимал участие в ограблении 20 000 руб. на пароходе «Цесаревич Георгий» между Новороссийском и Батумом»[18]. А 23 ноября жандармский полковник Левдиков из Одессы сообщал начальнику Эриванского ГЖУ приметы одного из экспроприаторов на корабле: «Лет на вид 21, рост низкий, рыжий, весь в веснушках, которыми покрыты даже руки»[19].

В 1906 г. решительные налеты на банки, почты совершались в Прибалтике и в Польше, на Урале и на Кавказе. Пройдет немного времени и 13 июня 1907 г. на Эриванской площа-

ди в Тифлисе под руководством Камо небольшая боевая группа за 10 минут экспроприирует 250 тысяч рублей, так и не довезенных до Тифлисского отделения государственного банка.

Через десять дней после «экса» на пароходе «Цесаревич Георгий» в Абхазии В. И. Ленин 30 сентября 1906 г. опубликовал статью «Партизанская война». Он отмечал, что экспроприации обычно расценивают, как анархизм, бланкизм, как действия индивидуального террора, деморализующие рабочих, вредящие революции и освободительному движению. «Примеры, подтверждающие такую оценку, — писал В. И. Ленин, — легко подыскиваются из сообщаемых каждый день в газетах событий»[20]. И, конечно же, официальная российская пресса не могла удержать себя от соблазна, — она чернила каждое смелое мероприятие революционеров. «Мы уже начали привыкать к известиям о всякого рода смелых грабежах, — кричала газета «Кавказская жизнь». — Грабеж стал настолько обычным явлением, что глаз, пробегая газетные столбцы, как-то минует эти известия... Но смелость грабителей не имеет пределов... Читатели из газет уже знают о появившихся на берегу Черного моря пиратах, ограбивших пароход Р. О. П. и Т. «Цесаревич Георгий». Вслед за этим, с другого конца России, из Уфы телеграф официально передал известие о нападении на поезд и похищении 260 000 руб. Грабителей было 40...»[21].

В общем, газета была права в том, что этот

«экс» состоялся на самом деле. Но она «чуть-чуть» преувеличивала. Во-первых, у разъезда Дема близ Уфы братья Кадомцевы и их боевая группа конфисковали не 260 тыс. рублей, а 153 тысячи; во-вторых, в этой операции участвовало не 40, а всего 12 человек и, в-третьих, самое главное, это был не грабеж, а революционная акция боевой группы, каждая копейка которой шла в кассу народной борьбы с царизмом.

Осенью 1906 г. партизанские действия были, как никогда, необходимы большевикам. Готовился новый взрыв народного возмущения, шла деятельная подготовка к вооруженному восстанию. И в этот промежуток между «большими сражениями» в гражданской войне удачно вписывалась партизанская борьба, без которой не могло быть и речи о новом вооруженном восстании[22]. В этой борьбе весьма заметную роль играли экспроприации, которые стабильно финансировали партийную кассу революции. Поэтому не случайно кодорская и уфимская операции были проведены накануне Первой (Таммерфорсской) конференции военных и боевых организаций РСДРП, так как полученные деньги шли на организацию этого боевого форума.

Следует сказать и о том, какую борьбу вел В. И. Ленин с теми так называемыми «чистыми» социал-демократами, которые не понимали всей значительности партизанских действий для того периода борьбы. «Когда я вижу социал-демократов, — писал он в сентябре 1906 г., — горделиво и самодовольно заявля-

ющих мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят? По всей стране идут вооруженные стычки и схватки черносотенного правительства с населением. Это явление абсолютно неизбежное на данной ступени развития революции... Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма»[23].

Спустя два месяца после «экса» 20 сентября 1906 г., в ноябре, в Таммерфорсе (Финляндия) состоялась Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, внимательно рассмотревшая, в числе других, и вопрос об экспроприациях, считая их неотъемлемой частью боевой работы большевиков. Делегаты конференции с интересом заслушали доклад уральского боевика, специалиста по «эксам» в особо крупных размерах Эразма Кадомцева. Известно, что на экспроприированные деньги Уральской боевой организации была проведена Таммерфорсская конференция, изданы ее протоколы. На средства уральских боевиков издавались газеты, покупалось ору-

жие, содержались школа боевых инструкторов в Киеве, школа бомбистов во Львове, школа инструкторов и химическая лаборатория в Куоккале. На эти же деньги делегаты V съезда совершили поездку в Лондон, где обсуждался вопрос об отношении к партизанским выступлениям.

Ленинские установки широко применялись боевиками на деле. Один из таких ярких примеров связан с операцией у Кодора. Абхазия в этом смысле представляла удобный полигон для акций боевых большевистских групп.

Черносотенная пресса, обвиняя ленинскую партию, утверждала, что «освободительство» якобы окончательно переродилось в «экспроприаторство» и «бомбометание»[24]. Так самодержавие откликалось на широко развернувшуюся в 1906—1907 гг. партизанскую борьбу боевых организаций против царизма, которая, в условиях спада революции, зажигала новым революционным огнем массы и деморализовывала противника. И хотя 3 июня 1907 г. стали распускаться боевые группы большевиков, отдельные выступления их имели место и в последующее время. Газета «Окраины России», подводя итоги 1908 г. на Кавказе, отмечала: «Через весь год проходит длинная бесчисленная цепь убийств, экспроприаций и злодеяний, совершившихся во всех уголках Кавказа, но, главным образом, в Тифлисе, Баку, Кутаисе, Сухуме и т. д. Если проследить за ними, то слагается убеждение, что эти преступления не случайны, что они являются проявлением одного строго проводимого плана»[25].

Некоторые операции большевиков 1906—1907 гг. оставались нераскрытыми. Разбухший до предела штат департамента полиции, несмотря на всю свою пронырливость и изощренность, вынужден был напротив отдельных «эксов» ставить иногда знак неизвестности — «икс». Такая загадочная таинственность царила и вокруг дела о ночном налете на пароход «Цесаревич Георгий».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Введение

[1] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 366.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 150—159; т. 8, с. 100—101; т. 17, с. 362—363; т. 22, с. 187—188, 540—544; Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 135—136, 151—159; т. 10, с. 335—341, 358; т. 11, с. 268—271, 339—343; т. 12, с. 49—58, 111—114 и др.

[3] Шигимага С. Ю. Историография вооруженных восстаний и военно-боевой работы партии большевиков в период первой русской революции 1905 — 1907 гг. (1905 — середина 30-х годов). Диссерт. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. (рукопись). Л., 1973; Дробот Ф. Я. Советская историография военно-боевой деятельности партии большевиков в революции 1905—1907 гг. в России. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. М., 1975; Сенчакова Л. Т. Современная историография военно-боевой деятельности партии большевиков в 1905 — 1907 гг. — В кн.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978, с. 116—132.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 649.

[5] Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 264.

[6] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 365.

[7] Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 117.

[8] Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 162.

[9] Сенчакова Л. Т. Боевая рать революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг. М., 1975, с. 32.

[10] Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 4.

[11] Кораблев Ю. И. Исторический опыт боевой и военной работы большевиков в трех революциях. М., 1981, с. 8.

[12] Сенчакова Л. Т. Боевая рать.., с. 57—58.
[13] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, изд. 8-е. М., 1970, с. 120.
[14] Кораблев Ю. И. Исторический опыт.., с. 10.
[15] Сенчакова Л. Т. Боевая рать революции...
[16] Мухин Е. П. Большевистская партия — создатель боевых дружин в годы первой русской революции (1905 — 1907 гг.). Диссерт. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. (рукопись). Л., 1975.
[17] Каландадзе В., Мхеидзе В. Очерки революционного движения в Гурии. Спб., 1906; Махарадзе Ф. Очерки революционного движения в Закавказье. Тифлис, 1927; Махарадзе Ф. Е., Хачапуридзе Г. В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. М., 1932; Чулок И. С. Военно-боевая деятельность большевиков Батуми в годы первой русской революции. Батуми, 1960; Мелкадзе И. Я. Имеретино-Мингрельский комитет РСДРП и революция 1905—1907 гг. в Западной Грузии. Автореф. на соиск. уч. степ. докт. ист. н. Тбилиси, 1960; Мгеладзе Д. И. Борьба большевиков Грузии за вооружение масс в период первой русской революции (1905 — 1907 гг.). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Тбилиси, 1963; Авазашвили И. М. Большевистские организации Закавказья в период первой русской революции (1905—1907 гг.). Тбилиси, 1972; Мелихов А. Н. Абхазия в годы первой русской революции. — В сб.: Из истории революционных событий в Абхазии в 1905 — 1907 гг. Сухуми, 1955; Олонецкий А. А. Крестьянское движение в Абхазии в 1905 — 1907 гг. Там же; Тулумджян А. О. Декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Сочинском округе. Там же; Конджария В. З. Мои воспоминания. Сухуми, 1956; Дзидзария Г. А. Наш Серго. Сухуми, 1976; Лейберов И. П. Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М., 1976; 1980; Сагария Б. Е. Большевики Абхазии в годы первой русской революции. Сухуми, 1977; Дзидзария Г. А. В. И. Ленин и Абхазия. Сухуми, 1977; Конджария-Отырба Т. Е. Осененные революцией. Сухуми, 1982 (на абх. яз.).
[18] Сенчакова Л. Т. Боевая рать.., с. 186—190.

[19] Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977, с. 86—87.

[20] Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 71.

[21] Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 379.

[22] Кораблев Ю. И. Исторический опыт.., с. 10.

[23] См.: Лакоба С. З. Сухумский народный суд в 1905 году. — Труды Абхазского госмузея, вып. V. Сухуми, 1980, с. 32—38; Его же. Легендарное начало века. — Советская Абхазия, 1982, 28 июля, № 145; Его же. Революционные выступления воинских частей в Абхазии в 1905 году и влияние на них броненосца «Потемкин». — Известия Академии наук Грузинской ССР «Мацне». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1982, № 2, с. 74—82; Его же. Жизнь, отданная борьбе. К 100-летию Л. Готошия. — Коммунист Грузии, 1983, № 7, с. 91—94; Его же. Платон Эмхаа — глава «Самурзаканской республики». — Алашара, 1984, № 1, с. 80—89 (на абх. яз.); Его же. В далеком 1905-м. — Литературная Грузия, 1984, № 2, с. 182—189.

[24] Ленин В. И. ПСС, т. 16, с. 26.

Глава I

[1] Кавказ, 1905, 10 марта, № 65; Начало первой русской революции. М., 1955, с. 761.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 7 д-во, д. 1183, лл. 1, 3, 4—6; ЦГИА Грузинской ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 48; Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 8, 18; Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, 1960, ч. 1, с. 243; Сагария Б. Е. Большевики Абхазии.., с. 22—23.

[3] ЦГА Аджарской АССР, ф. 1, оп. 1, д. 167, лл. 23—24.

[4] Архив Государственного Музея Революции г. Батуми (ГМР), ф. 4, д. 85, л. 3, 4.

[5] Чулок И. С. Очерки истории Батумской коммунистической организации (1890 — 1921 годы). Батуми, 1970, с. 103—104, 125.

[6] Архив ГМР, ф. 4, д. 85, лл. 3—4, 5—7.

[7] ЦГА Адж. АССР, ф. 1, оп. 1, д. 167, лл. 23—24 и об., 7.

[8] Чулок И. С. Очерки.., с. 161.

[9] ЦГА Адж. АССР, ф. 1, оп. 1, д. 167, л. 24.

[10] Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, с. 241.

[11] Архив Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (АИЯЛИ), ф. 1, д. 84, лл. 1—2; Кухалейшвили С. Обзор революционной работы в Абхазии. — В сб.: К истории революционного движения в Абхазии. Сухум, 1922, с. 23—24.

[12] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 84, лл. 9—10.

[13] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 48, л. 23 и об.

[14] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 1002, л. 16 и об.

[15] Олонецкий А. А. Крестьянское движение.., с. 106.

[16] ЦГА Адж. АССР, ф. 1, оп. 1, д. 167, л. 1, 5.

[17] Архив ГМР, ф. 4, д. 85, л. 15 и об.

[18] ЦГА Адж. АССР, ф. 1, оп. 1, д. 167, лл. 9—10, 12—13, 23—24.

[19] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 46, л. 18; д. 69, л. 48.

[20] ЦГА Адж. АССР, ф. 1, оп. 1, д. 167, лл. 17—18, 24 об.; Цквитария П. К. История революционного движения в Аджарии (1890—1921). Батуми, 1979, с. 49.

[21] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 00, д. 1877, ч. 34, л. 13.

[22] Труды Абхазского государственного музея (ТАГМ). Вып. 1, Сухуми, 1946, с. 196 — 197, 200; Кириллов В. С., Свердлов А. Я. Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго). М., 1962, с. 16—22; Орджоникидзе З. Путь большевика. Страницы из жизни Г. К. Орджоникидзе. М., 1967, с. 27—35; Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. ЖЗЛ. М., 1967, с. 28, 35—38; Дзидзария Г. А. Наш Серго, с. 16.

[23] ТАГМ, вып. 1, с. 196, 200.

[24] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 269—270.

[25] Сенчакова Л. Т. Боевая рать.., с. 22.

[26] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 270.

[27] Мелихов А. Н. Серго Орджоникидзе на революционной работе в Абхазии в 1905 году (рукопись). —

Архив Абхазского госмузея (АГМ), ф. 6, оп. 1, д. 15, л. 44.

[28] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 339, 341.

[29] Кавказ, 1905, 5 октября, № 253.

[30] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955, с. 196, 200; Его же. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958, с. 383—393, 399, 401; Его же. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960, с. 185, 235 — 237; Хасбулатов А. И. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905 — 1907 гг. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Махачкала, 1964, с. 15.

[31] Маркс К., Энгельс. Соч., т. 12, с. 118—119.

[32] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 337.

[33] Там же, с. 336, 338.

[34] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, лл. 82—83.

[35] Сенчакова Л. Т. Боевая рать.., с. 32.

[36] ЦГА Абхазской АССР, ф. 1, д. 3562, л. 34, 39, 40, 43, 76 и об.

[37] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, лл. 86—87.

[38] Там же, лл. 307—309.

[39] Лейберов И. П. Легендарный дядя и его племянник. — Литературная Грузия, 1980, № 2, с. 165—176.

[40] Лакоба С. З. Сухумский народный суд, с. 33.

[41] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, л. 282.

[42] Там же, лл. 15, 81—83; Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 57,70—71; Олонецкий А. А. Крестьянское движение.., с. 112; Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М., 1980, с. 233—234.

[43] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 326, лл. 38—41.

[44] Там же, лл. 48 об. — 49.

[45] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 1002, л. 16 и об.

[46] Лакоба С. З. Революционные выступления.., с. 80—81.

[47] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, лл. 94—96, 273, 277, 281.

[48] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 82, лл. 158—159.

[49] Лакоба С. З. Сухумский народный.., с. 36.

[50] Черноморский вестник, 1905, 13 декабря, № 185.

[51] Сенчакова Л. Т. Боевая рать.., с. 63.

[52] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 232, лл. 150—151, 155 и об.

[53] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 11 и об.

[54] Там же, л. 38; Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 84.

[55] ТАГМ, вып. 1, с. 198.

[56] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, лл. 56—58.

[57] Конджария В. Мои воспоминания.., с. 30.

[58] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, лл. 1—4, 5 и об.

[59] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 82, л. 30.

[60] Прицкер Л. М. Пламенный большевик. — Комунистури шрома, 1975, 30 января.

[61] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 1, д. 345, лл. 1, 2 и об.

[62] Чулок И. С. Очерки.., с. 163.

Глава II

[1] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1909, оп. 47, д. 29, лл. 5—6.

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 131 и об.

[3] Олонецкий А. А. Крестьянское движение.., с. 113—114; Очерки истории.., ч. 1, с. 250—251.

[4] Сагария Б. Е. Большевики Абхазии.., с. 39—40.

[5] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, с. 165—166.

[6] Кавжарадзе В. Г. Странички революционной борьбы в Самурзакани, с. 2—3.

[7] Гулуа Е. Самурзаканская республика. — Трудовая Абхазия, 1925, 25 декабря, № 294; Тория Д. 1905 г. в Гальском уезде. — Трудовая Абхазия, 1925, 23 декабря, № 292.

[8] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 503, л. 2, 92, 12 и об.

[9] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л.31.

[10] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 8 и об. — 9.

[11] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 48, л. 24.

[12] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 78 и об.

[13] Там же, л. 131 и об.

[14] Кавжарадзе В. Г. Странички революционной.., с. 7.

[15] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2. д. 503, л. 2, 93, 191 и об.

[16] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 22, д. 224, л. 1.

[17] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2. д. 214, л. 191 и об.

[18] Авазашвили И. М. Большевистские организации.., с. 271; ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 24, д. 224, л. 191 и об.

[19] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 191 и об.

[20] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 3 и об.; ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 22, д. 224, лл. 1—2 и об.; ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 86 и об.

[21] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 86, 93, 191 и об.

[22] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, лл. 3—4; ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 192 и об.

[23] Лео Киачели. Избранные произведения. Тбилиси, 1955. с. 5—128; Ипполит Вартагава. Лео Киачели. Тбилиси, 1966, с. 5 (на груз. яз.); Бесо Жгенти. Лео Киачели и его «Гвади Бигва» (вступ. статья). — Лео Киачели. Гвади Бигва. Роман. М., 1974; Гурам Гвердцители. Далекие и близкие. Тбилиси, 1983, с. 79—80.

[24] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 215.

[25] Кавжарадзе В. Г. Странички революционной.., с. 7.

[26] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 192 и об.

[27] Лейберов И. П. Цебельдинская находка.., с. 268—269.

[28] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 43 и об.

[29] Гулуа Е. Самурзаканская республика...

[30] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 4 об.

[31] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 50, 63, 131, 193, 203, 4 и об.

[32] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 4 и об.

[33] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214 лл. 12, 44—45 и об.

[34] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 4 об.

[35] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 4, 117 и об.

[36] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 4 об.

[37] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 4, 115, 28 и об.
[38] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 4 об.
[39] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 5, 6—7 и об., 28.
[40] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 5 и об.
[41] Тория Д. 1905 в Гальском уезде...
[42] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 29 об.
[43] Гулуа Е. Самурзаканская республика...
[44] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 131 об; Авазашвили И. М. Большевистские организации.., с. 270.
[45] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 5 и об.
[46] Гулуа Е. Самурзаканская республика...
[47] Закавказье, 1907, 29 августа, № 175.
[48] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 215, 288 и об.
[49] Там же, 211.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, лл. 5, 9—10 и об.
[51] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1909, оп. 47, д. 29, л. 6.
[52] Гулуа Е. Самурзаканская республика..; ЦГАОР СССР, ф. 124, 1909, оп. 47, д. 29, лл. 13—14.
[53] Архив АГМ. ф. 3, оп. 1, д. 31, лл. 1—2, 6—7 и об.
[54] Дзидзария Г. А. Формирование.., с. 166.
[55] ЦГА Абх. АССР, ф. 39, д. 19, л. 209.
[56] Тория Д. 1905 г. в Гальском уезде...
[57] Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 322.
[58] Гулуа Е. Самурзаканская республика...

Глава III

[1] Ленин В. И. ПСС, т. 11, с. 342; т. 14, с. 4.
[2] ЦГИА СССР, ф. 919, оп. 2, д. 1220, лл. 3—4.
[3] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 326, л. 62.
[4] Архив АИЯЛИ, ф. 1, д. 82, л. 51.
[5] Тифлисский листок, 1906, 22 сентября, № 202; Кавказ, 1906, 22 сентября, № 213; Черноморские новости, 1906, 22 сентября, № 15.

[6] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 39, лл. 31 об., 34 об.
[7] Там же, л. 47.
[8] Тифлисский листок, 1906, 24 сентября, № 204.
[9] ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 438, л. 3 об.
[10] Черноморские новости, 1906, 23 сентября, № 16.
[11] Кавказ, 1906, 24 сентября, № 215.
[12] Кавказская жизнь, 1906, 6 октября, № 13.
[13] Тифлис, 1906, 6 октября, № 11.
[14] ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 438, лл. 3 об., 5.
[15] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 39, лл. 21 — 22 об.
[16] Кавказ, 1906, 10 октября, № 226.
[17] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 00, д. 80, ч. 27, ч. 1, л. 72.
[18] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 39, л. 47.
[19] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1908, 00, д. 20, ч. 10, л. 3.
[20] Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 5.
[21] Кавказская жизнь. 1906, 29 сентября, № 7.
[22] Ленин ПСС, т. 14, с. 7.
[23] Там же, с. 9—10.
[24] Окраины России, 1909, 3 января, № 1.
[25] Окраины России, 1909. 10 января, № 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение . . . . . —3
I. Л. И. Готошия и организация особых боевых групп в Абхазии в 1905 году . . . . . — 9
II. Платон Эмухвари — глава «Самурзаканской республики» . . . . . —40
III. «Экс» на пароходе «Цесаревич Георгий» . . —63
Источники и литература . . . . . —77

Станислав Зосим-иҧа Лакоба

1905—1907 ШЫҚУСҚУА РЗЫ АҦСНЫ АРЕВОЛИУЦИА АЗЫҚУҦАФЦӘА

Урысшәала

სტანისლავ ზოსიმეს ძე ლაკობა

აფხაზეთის მებრძოლნი 1905 – 1907 წლების რევოლუციის დროს

რუსულ ენაზე

Станислав Зосимович Лакоба

БОЕВИКИ АБХАЗИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

ИБ 807

Редактор **А. А. Авидзба**
Художественный редактор **П. Г. Цквитария**
Технический редактор **Л. И. Евменов**
Корректоры **А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа**

ЭИ00149. Сдано в набор 19.01.1984 г. Подписано к печати 7.06. 1984 г.
Офсет. бум. № 2. Формат 70x90$^{1}/_{32}$. Усл.-печ.л. 3,22.
Уч.-изд. л. 2,67. Заказ 564. Тираж 1000 экз. Цена 15 к.

Издательство „Алашара", Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Госкомитета Грузинской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 15 коп.